

М. Гониморусъ.

ФЛОРА.

1915 г. Пробужденіе № 13-й

Фенярова Бибисава
им. Грина
им. зам.

БОГЪ.

По лону неба голубого—
И бѣлоснѣжны, и легки,
Плывутъ живыя думы Бога—
Воздушныхъ облаковъ полки..

Въ небесной безднѣ синеокой
Они сгустятся въ горы тучъ:
То тяжко Богъ нахмуритъ око,
Во гнѣвъ страшень и могучъ.

Блеснетъ во взорѣ огонь палящій,
Раздастся тяжкій громъ рѣчей,
Но, вспомнивъ путь земли скорбящей,
Прольетъ Онъ слезы изъ очей..

И, вмѣсто тяжкаго отмщенья,
Онъ окропитъ живой слезой
Всѣ земнородныя растенья
И солнцемъ взглянетъ надъ землей.

Филаретъ Черновъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Милосердіе.

Если воинъ въ битвѣ изувѣченъ
И страданья боль его остра,—
Трудъ твой дорогъ, святъ и человѣченъ,
Милосердыя вѣрная сестра.

Съ чистымъ сердцемъ, нѣжными руками
Много ранъ возможно залечить,
Нанесенныхъ пульей и штыками,
И шрапнели ужасы смягчить.

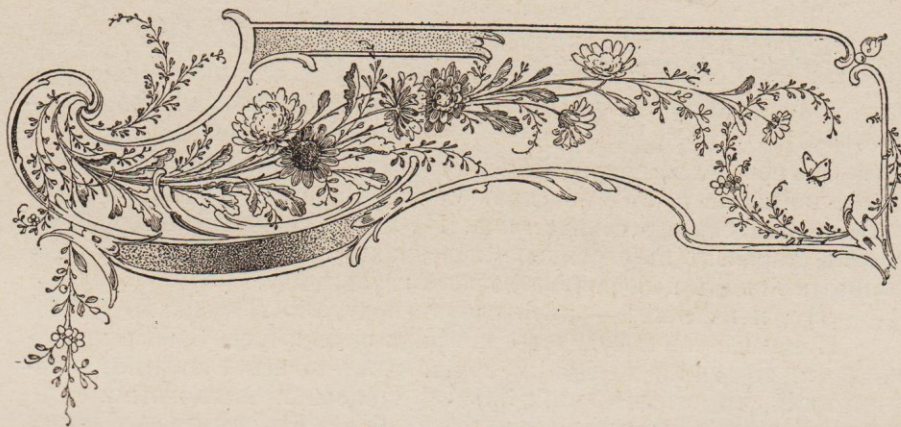
А за то, что ими облегчится
Ваша мука, родины борцы,
Станутъ Богу за сестеръ молиться
Дѣти, жены, матери, отцы.

Но война свирѣпствуетъ не вѣчно.
Отгремитъ военная гроза.
А въ явленьяхъ жизни быстротечной
Заблеститъ обычнаго слеза.

Мечъ вражды и злобы повседневной
Нищихъ духомъ будетъ ранить въявь...
Вотъ туда-то, въ пекло муки гнѣвной,
Милосердыя помощь ты направь!

Миръ широкъ, и въ жизни скорби много,
Гдѣ страдальцы—сами палачи...
Вотъ туда-то, къ нимъ, во имя Бога
Утѣшенья ты носи лучи.

Павелъ Поповъ.

Встрѣчи.

Разсказъ А. Н. Будищева.

Окончаніе.

Оказалось, ночеваль еще у трехбородаго шабойникъ съ мальчикомъ, тотъ, что по деревняхъ въ кибиткахъ разѣзжаетъ, булавки, иголки, мыльца, тесемочки на старое тряпье и ломанное желѣзо мѣняетъ. Шабойникъ старенькій, худенькій, сморщенный, съ провалившимся ртомъ, а малецъ у него глухонѣмой отъ рожденья. Лицо точно изъ дерева вырублено. Всѣ сѣли вокругъ стола, истово на образа помолвившись. И малецъ съ деревяннымъ лицомъ покрестился и даже повздыхалъ. Угостилъ радушно трехбородый всѣхъ ночующихъ у него вареной картошкой, жаркой, какъ уголь, и пшенной кашей, политой конопляннмъ масломъ. За ѣдой сказывалъ хозяинъ: возъ коноплю выгодно продалъ онъ вчера на базарѣ. Тридцать рублей выручилъ! Всѣ ѣли степенно, дѣловито и озабоченно. Шабойникъ за себя и за мальчика двадцать пять копеекъ за ѣду и постой уплатилъ, а съ Семена Зайцева и Лотушки ничего не взялъ трехбородый. А потомъ и спать всѣ улеглись. Шабойникъ съ мальцемъ на печкѣ, Семень Зайцевъ на полатяхъ, а хозяинъ съ хозяйкой и дѣтьми за перегородкой на широчайшей кровати.

Удивило всѣхъ, что шабойникъ старенькій такъ, какъ былъ, въ валенкахъ, на печку убрыкался. Задула хозяйка лампу. И, почитай, тотчасъ-же уснули всѣ. Храпомъ наполнилась избенка до самаго потолка. Но тотчасъ-же послѣ полуночи проснулись оба сразу, Семень Зайцевъ и Лотушка, и увидѣли, какъ страшный сонъ. Лунный свѣтъ въ низенькомъ оконцѣ жиблется, а старенькій шабойникъ сидитъ на печкѣ, съ ногъ валенки стаскиваетъ. Стащилъ и сталь тихохонько онучи развертывать. А за этими онучами оба увидѣли двадцатипятирублевые билеты пачками; за одной онучей десять пачекъ, за другой тринадцать. И всѣ—какъ одна. Въ каждой пачкѣ билетовъ по двадцати.

Застучали зубы у Лотушки и Семена Зайцева. И накрылись они съ головой полущубкомъ, чтобы ничего не видѣть больше. И вспомнились имъ слова старой цыганки:

«Сторожать твой кладъ старый, да малый».

Оба мыслью взбудораженной зашептали:

— Чуръ насъ, чуръ, чуръ... сила нездѣшняя, чуръ...

III.

По утру первымъ проснулся Лотушка. Проснулся и сразу-же подумалъ:

«Одиннадцать тысячъ пятьсотъ тѣ валенки стоятъ! Ну, и валенки!»

Онъ почесался, покряхтѣлъ и оглядѣлся. Мутный разсвѣтъ тихо лился въ избенку. Рядомъ спалъ Семень Зайцевъ. Худымъ и испитымъ показалось его сонное лицо. На печкѣ спокойно посапливалъ носомъ старичекъ въ огромныхъ валенкахъ. Какъ истуканъ, съ деревяннымъ лицомъ неподвижно лежалъ глухонѣмой.

«Ну, и валенки!»—опять вдругъ подумалъ Лотушка.

И ему вдругъ почудилось, что надъ нимъ и надъ Зайцевымъ замыкается страшный желѣзный кругъ чьихъ-то непреложныхъ предначертаній, что отнынѣ онъ и Зайцевъ становятся ничтожными соломенками, влекомыми неодолимой бурей. Снова отъ леденящаго ужаса застучали его зубы. Распаленной мыслью онъ сталъ читать одна за другой молитвы, всѣ, какія только когда-либо зналъ. А потомъ началъ будить Семена.

Всѣ стали понемногу просыпаться въ избѣ. И во дворѣ громко заблеяли овцы, требуя корму.

Поспѣшно стали собираться въ путь и странники, и прежде чѣмъ шабойникъ съ провалившимся ртомъ успѣлъ запретъ свою лошадь, они были уже за деревенской околицей. Двѣ дороги легли передъ ними, одна въ Кенжево—направо, другая въ Тюревку—налѣво. Оба подумали мрачно. Лотушка спросилъ, избѣгая смотрѣть въ глаза, Зайцева:

— Куда теперча пойдемъ?

— А куда тотъ поѣдетъ? Слышалъ?—сердито и вопросомъ же отвѣтилъ Зайцевъ.

— Слышалъ. Въ Тюревку,—точно огрызнулся Лотушка.

— Значить, мы пойдемъ въ Кенжево!—заоралъ истерично Зайцевъ, нахлобучивая на самые глаза свою лѣтнюю парусиновую фуражку.

— Опять въ Кенжево?—зло недоумѣвалъ Лотушка.

— Опять въ Кенжево!—завопилъ Зайцевъ и сдѣлалъ первый шагъ на дорогу направо. Подулъ прямо въ глаза имъ злобный сѣверовосточный вѣтеръ, и словно дымомъ пожараща окружило ихъ воющей снѣжной крупой.

— Засс-ту-жу-у,—выли снѣжныя мятущіяся завѣсы.—Засс-ту-жу-у...

А дорога была все такъ же жестка и не прикрыта снѣгомъ.

Заныли жалобно, затосковали простуженныя кости. Среди млечнаго тумана безконечной спиралью развертывалась черная, страшная дорога, суля однѣ невзгоды, голодь и холодъ. И стыла кровь въ жилахъ подъ дыханіемъ озорного, разбойнаго вѣтра.

— Ы-ы-и-и,—визжало вокругъ то грубо и озорковато, то тоненько и плаксиво. Сошли подъ изволокъ оба. Семень Зайцевъ остановился, о чемъ-то задумавшись, а Лотушка сталъ соображать, возможно ли прохарчиться на семь копеекъ два дня, или имъ предстоитъ завтра же побираться? Онъ вдругъ сдѣлалъ два шага прочь съ дороги, опустился на землю и громко по-ребячьи расплакался.

— Ходишь-ходишь день-денской не пимши, не жрамши, въ хо-

лодѣ-голодѣ... у-у-у!..—вытягиваль онѣ, утирая глаза покраснѣвшими кулаками,—у-у-у...

— Чего ты?—огрызнулся Семень Зайцевъ. У него самого защипало въ горлѣ, и окрикомъ хотѣлось прикрыть темную точку, какъ червь, точившую сердце.

— Ну, чего ты?—повторилъ онѣ совсѣмъ злобно.

— Да, чего ты,—плаксиво тянулъ Лотушка.—Пилы мы съ тобой ужъ проѣли, чего еще дожидаться, немилый песъ... Зачѣмъ не пошелъ на Тюревку? У-у-у...

— Цыцъ!—крикнулъ на него истошно Зайцевъ.—Не бывать этому! Слышалъ, съ роду родовъ не бывать! понялъ? лучше и не забѣгай, куда не слѣдь!..

— Гляди въ глаза солнцу! Отчурай робость,—припомнилось ему бормотанье старой цыганки.

Онѣ замолкъ и понуро поплелся дорогой. Лотушка послѣдовалъ за нимъ. Какъ поднялись изъ овражка на холмъ, пять двориковъ стояло въ лошинкѣ возлѣ двухъ колодцевъ. Качалась веревка на журавляхъ, и пѣль вѣтеръ тоскливо:

— Жизнь... жи-и-з-з-знь...

Спросилъ Лотушка у бабы въ платкѣ, будто невзначай:

— А ежели въ Тюревку съ этой дороги пройти возможно?

— Очень даже возможно,—весело откликнулась баба.—За осиновой рощей, налѣво сверни, вотъ тебѣ и трактъ на Тюревку!

— А шабойника у васъ въ здѣшнихъ мѣстахъ давно не было?—опять равнодушно спросилъ Лотушка.

— Давненько,—откликнулась баба, сверкая бѣлыми зубами,—съ Ивана Постнаго не было! Или ты мнѣ булавку подарилъ-бы, парень?

«Къ чему онѣ о шабойникѣ?»—подумалъ Семень Зайцевъ. Запѣлъ разухабисто Лотушка:

— Пропадай моя телѣга всѣ четыре колеса!

Оба, однако, слѣдили, чтобы не сбиться съ дороги за осиновой рощей, и понуро вышагивали, словно влача каторжную цѣпь. А какъ прошли осиновую рощу, еще круче согнулись ихъ согбенныя спины, и еще злѣе забѣсилось дымное поле. Къ вечеру стали выбиваться изъ силъ оба, и тупое равнодушіе обволакивало охолодѣлыя тѣла. Думалось обоимъ: развѣ лечь у первой же кочки на дорогѣ и уснуть навсегда?

И тогда оба сразу увидѣли у трехъ деревцевъ на межѣ шалашъ, какіе строятъ караульщики бахчей, и оранжевое пятно костра. Шевелились алыя вѣтки костра и звали къ себѣ. Сами собою свернули къ теплу ноги. Мохнатая лошаденка стояла у шалаша за вѣтромъ и жевала сѣно. И тутъ же крытая рогожей кибитка на четырехъ колесахъ вздымалась. А у костра мужичекъ руки грѣлъ и по бокамъ себя похлопывалъ. Сразу же узнали въ немъ оба шабойника съ провалившимся ртомъ, въ тѣхъ валенкахъ. Лотушка подумалъ:

«А гдѣ же малецъ глухонѣмой?»

И увидѣлъ,—ноги изъ шалаша торчатъ. Спалъ тамъ малецъ съ деревяннымъ лицомъ.

— Пожалте къ огоньку,—между тѣмъ пригласилъ старичекъ-шабойникъ, шамкая провалившимся ртомъ, и вдругъ разсмѣялся звонкимъ, разсыпчатымъ, точно помолодѣвшимъ смѣхомъ.

«Чего онѣ смѣется?»—подумали Лотушка и Семень Зайцевъ.

— Вмѣстѣ значить будемъ у костра ночевать?—спросилъ старичекъ, прервавъ свой изступленный смѣхъ.

Лотушка придвинулся къ костру и растопырилъ надъ огнемъ еще не сгибавшіеся отъ мороза пальцы.

— А отъ жилья какого отседа развѣ далече?—мрачно спросилъ Семень Зайцевъ.

— Самое ближнее жилье—городъ Витютинскъ, а до него 9 верстъ. А 9 верстъ въ эдакой пургѣ—это за сто верстъ почитай,—сказалъ старичекъ-шабойникъ,—и чего-бы намъ вмѣстѣ здѣсь не переночевать? Ишь, сколько тутъ для насъ дровъ заготовлено,—кивнулъ онъ бородой на шалашъ, гдѣ у плетневой стѣнки было аккуратненько сложено нѣсколько колченогихъ, похожихъ на пауковъ, пеньковъ, нѣсколько коряжистыхъ, толстыхъ вѣтокъ, охапки двѣ хвороста и даже задняя, расщепленная пополамъ ось.

— Али не заночуемъ?—мрачно спросилъ Лотушка.

Семень Зайцевъ нѣсколько мгновений помолчалъ и вдругъ сбросилъ у костра съ своихъ плечъ лыковую котомку. Розовое пламя костра радостно подпрыгнуло и торжествующе захрапѣло. Слово огромное кровавый глазъ широко раскрылъ тяжелыя вѣжды.

— Гляди въ глаза солнцу!—вскрикнулъ Лотушка съ какимъ-то злобѣщимъ выраженіемъ. Вспыхнуло на его щекахъ розовое пламя костра.

IV.

Оба ясно, до очевидности, поняли: сомкнулись желѣзные своды надъ ними, и не выйти имъ теперь изъ круга каменныхъ предопредѣлений. Оба сѣли на корточкахъ у костра, грѣя руки. Лотушка неторопливо свернулъ сигарку. Сказалъ прибаутку:

— У попа было восемь куръ, а у дьякона девять, не прикурить ли намъ, ребята?

Хотѣлъ разсмѣяться послѣ прибаутки, но только сердито сморщилъ одну щеку, словно разжевалъ что кислое-прекислое. Богохульно юзжало дымное поле вокругъ розоваго круга, начертаннаго костромъ среди млечнаго мрака, и вздымало воющіе гребни. Неслось на разные голоса бѣсовскимъ, неистовымъ кличемъ:

— У-у-у-и-и-и...

И въ незримыхъ небесахъ, словно занавѣсившихся отъ неистовствующей земли, кое-гдѣ едва намѣчались звѣзды. Сказалъ старичекъ-шабойникъ:

— Передъ разсвѣтомъ, глядишь, стихнетъ мало-мало, тогда и отправимся каждый во-свояси. А вамъ или въ городъ Витютинскъ путь лежитъ?

— Въ городъ Витютинскъ,—отвѣтили оба мрачно.

— Родня у васъ тамъ проживаетъ, или какое свое дѣло имѣете?—дружелюбно опять справился старичекъ, поправляя сухимъ сучкомъ рубиновыя съ фіолетовыми изломами угли.

— Свое дѣло,—отвѣтилъ одинъ Лотушка и также мрачно.

— Какое, напримѣръ?—полюбопытствовалъ старичекъ.

— Напримѣръ, послѣ того, какъ пилы проѣли, куцымъ кобелямъ хвосты мы оттягиваемъ,—вызывающе выговорилъ Лотушка и громко расхохотался, широко растягивая ротъ.

Старичекъ крикнулъ на него:

— Зачѣмъ такъ негоже, зачѣмъ такъ негоже, нечистый языкъ! Къ чему такая прибаутка поганая! Или къ ночи бѣсу приглянуться хочешь?

И вдруг точно-бы обробрѣлъ онъ. Безпокойно забѣгали его маленькіе пронырливые глазки. Задержалась коротенькая борода. И съ страннымъ присвистомъ стали дышать его глубоко внутрь запашія губы.

А Семену Зайцеву и Лотушкѣ вдругъ стало невыносимо болѣе ждать. Пусть предначертанное совершится. Пусть совершится скорѣе. Движеніемъ глазъ Семень Зайцевъ сказалъ Лотушкѣ:

— Пусть начинается, если таковъ нашъ жребій...

Лотушка шевельнулся, ближе придвигаясь, чтобы убѣдиться, спитъ-ли тотъ глухонѣмой малецъ. Среди розовыхъ отблесковъ костра онъ увидѣлъ деревянное, непробудно спокойное лицо глухонѣмого, и движеніемъ губъ, безмолвно, онъ успокоилъ товарища. Все словно замерзло въ немъ самомъ, каменѣя въ одномъ намѣреніи.

Между тѣмъ старичекъ заволновался еще болѣе, и, все такъ же мучительно выдыхая воздухъ, полный жуткихъ подозрѣній, онъ сталъ медленно подниматься съ земли. Но едва лишь онъ поднялся на ноги, Лотушка схватилъ его за шиворотъ правой рукою, а лѣвой нажалъ на его ввалившійся ротъ. Весь остро пронизываемый жутью, какъ окунувшійся въ смертельно холодную воду, Семень Зайцевъ ринулся впередъ на помощь Лотушкѣ мягкимъ прыжкомъ звѣря, но въ ту же минуту ноги старика безпомощно подогнулись, словно онѣ были сдѣланы изъ кудели, и медленно стали скользить по землѣ впередъ. А Лотушка, все такъ же придерживая его за шиворотъ, тихохонько сложилъ его на землю.

Съ трудомъ раздвигая губы, ослабившіяся въ растянутой гримасѣ, Лотушка глухо выговорилъ:

— Отъ страха умеръ онъ; отъ одного страха. Я и пальцемъ не повиненъ въ этомъ. Вонъ чего вышло!

Однако они оба тотчасъ же сдернули съ покойника его валенки. Ощущая тяжкіе толчки крови у себя въ гортани и постоянно оглядываясь на шалашъ, гдѣ спалъ глухонѣмой, они развернули длиннѣйшія онучи старика, вытаскивая изъ нихъ пачки двадцатипятирублевыхъ бумажекъ. Вытаскивали и про себя считали:

— Разъ, два, три...

И бѣшенными ударами въ тактъ ихъ счета сотрясались ихъ сердца. Потомъ, такъ-же осторожно, они перепрятали пачки денегъ изъ онучъ въ свои лыковые котомки, раздѣливъ всю добычу поровну и оставивъ двѣ кредитки въ карманахъ, подъ рукою, чтобы размѣнять ихъ на путевыя издержки. И такъ-же аккуратно обули вновь уже плохо сгибавшіяся коченѣвшія ноги распростертаго на землѣ старика.

И замерли въ тупомъ молчаніи, простирая къ огню руки.

Все такъ-же пылалъ костеръ, очерчивая среди бѣлесаго мрака розовый кругъ, такъ-же по-звѣриному визжала бѣшенная ночь. И такъ-же все спалъ въ шалашѣ глухонѣмой мальчикъ.

— Малость передохнемъ, раздышемся,—сипло выговорилъ Лотушка и нудно покачалъ головою, точно встряхиваясь.

Они ближе подѣли къ костру, стараясь взять отъ него какъ можно больше тепла, и страшнымъ напряженіемъ заставили себя уйти отъ настоящаго и погрузиться въ мечты. Думали, грѣясь у огня. Кончена нужда, голодъ и холодъ. Теперь они богачи. Они переберутся вмѣстѣ съ ихъ семьями въ городъ, на Волгу, и будутъ торговать копченой воблой, кренделями, подсолнухами, коноплянымъ масломъ, гречневой мукой, калачами. По вечерамъ будутъ въ лавкахъ

пить горячей чай изъ пузатыхъ стакановъ. По пятнадцати стакановъ пить будутъ, по двадцати. А по воскресеньямъ ходитъ въ церковь и слушать умилительное пѣніе. Дѣти ихъ будутъ обучаться грамотѣ, а жены—ходить въ теплыхъ шубейкахъ на кошачьемъ мѣху.

Кто ихъ упрекнетъ въ чемъ? Кто смѣетъ?

Лотушка опять выговорилъ, нелѣпо раздвигая губы:

— И пальцемъ не тронулъ я его. Отъ одного страха умеръ онъ.

Самъ онъ намъ свои валенки отдалъ...

Онъ помолчалъ, заглянулъ въ самые глаза Семена Зайцева и опять сказалъ:

— При чемъ мы съ тобой тутъ? Само собой все вышло...

Его колѣни вдругъ подпрыгнули въ судорожной дрожи, и Лотушка заплакалъ, выдавливая изъ глазъ мелкія и злыя слезки:

— При чемъ мы тутъ, при чемъ мы тутъ?—бормоталъ онъ.

Семень Зайцевъ склонился къ нему съ поблѣвшимъ лицомъ, наотмашь замахнулся кулакомъ и изступленно засипѣлъ:

— Молчи, сволочь паршивая! Умѣлъ воровать, умѣй и отвѣтъ держать. Чего распустилъ сопли? И-ехъ! Такъ вотъ и шаркну въ рыло!

И оба опять замолчали, поникнувъ у костра. У ночи были свои думы и пѣсни, у вѣтра—свои, но у двухъ человѣкъ у костра не было ни думъ, ни пѣсень, ничего. Омертвѣли ровно они съ пустыми и темными душами. Потомъ уснулъ Лотушка. И приснился ему его отецъ—сѣдобородый плотникъ Пантелѣй. Погладилъ онъ свою бороду будто-бы, подбоченился и строго спросилъ сына:

— Счастливъ, сукинъ сынъ, своимъ богатствомъ? А если это не богатство, а оберточная бумага? Тогда что?

Лотушка проснулся,—въ сидячемъ положеніи у костра спалъ онъ,—подбросилъ въ погасающій огонь еще одинъ пенекъ, похожій на чудовищную жабу, и опять съ отяжелѣвшей головою уснулъ съ удушливимъ храпомъ. И увидѣлъ. Подошелъ къ нему старичекъ-шабойникъ въ своихъ валенкахъ и ласково проговорилъ:

— Я на тебя не сержусь. Всю жизнь я себя этимъ пепломъ тѣшилъ. Теперь потѣшишь имъ себя и ты! Только потѣшишь-ли?

И опять проснулся Лотушка.

И опять подбросилъ въ костеръ нѣсколько вѣтокъ. Оглядѣлся. Будто яснѣло въ полѣ. Чуть намѣчалась полынь на межѣ и свѣтлопалевыя тучи на востокѣ. Сейчасъ, пожалуй, и не собьешься съ пути, если съ осторожностью. Онъ разбудилъ Семена Зайцева. Тотъ сразу вскочилъ на ноги и, глубже нахлобучивая на глаза свою парусиновую фуражку, заохалъ, завздыхалъ, оправляясь, еще видимо не совсѣмъ приходя въ себя, полный жуткихъ грезъ. Потомъ спросилъ:

— Гдѣ мы?

— На землѣ,—отвѣтилъ Лотушка,—да ты не безпокойся: на небо насъ никогда ужъ больше не пустять! Да и не къ чему, пожалуй, намъ. Ну, адя, адя, — будто заторопился онъ, — адя по землѣ къ земному! Адя! Адя!

Оба съ поспѣшностью заработали локтями, удаляясь отъ костра, постепенно заволакиваясь блѣсой мутью.

— Въ Витютинскъ?—спросилъ Семень Зайцевъ.

— А то еще куда же, с-сукинъ с-сынъ?—огрызнулся Лотушка.

V.

Когда въ чайную входили новые посѣтители, огромными бѣлыми облаками клубился холодный воздухъ въ дверяхъ ея. И было холодно у дверей. Чтобы лучше обогрѣться и быть поближе къ теплу, Семень Зайцевъ и Лотушка заняли столикъ, почитай, у самага прилавка, за которымъ стоялъ самъ хозяинъ въ голубой фуфайкѣ и зеленомъ фартукѣ, перекладывая съ руки на руку пригоршню мѣдныхъ монетъ. Двѣ четвертныхъ они уже размѣняли: одну Лотушка на вокзалѣ, гдѣ онъ купилъ папиросъ «Тары-Бары», а другую Семень Зайцевъ здѣсь въ чайной. Какъ оказывается, поѣздъ на Кондоль, съ которымъ они должны были ѣхать домой, шелъ только въ 6 часовъ вечера, и до четырехъ часовъ они рѣшили пробыть въ этой чайной, а затѣмъ переправиться на вокзалъ. Здѣсь же въ чайной они рѣшили и хорошенько позавтракать и заказали себѣ двѣ порціи щей изъ снятковъ и жареной картошки. А сейчасъ, въ ожиданіи завтрака, они со вкусомъ попивали чай, заѣдая его кренделями. Лотушка справлялся:

— Значить, мы завтра же въ 8 часовъ утра будемъ?

— Не позднѣ какъ,—сказалъ Семень Зайцевъ, жадно схлебывая съ блюдечка горячій, дымящійся чай.

Въ теплѣ ихъ обоихъ сильно распарило, и они чувствовали себя точно-бы пьяными. Настоящее и недавно прошедшее казалось имъ обимъ какою-то сказкой, и сказкой же рисовалось будущее. Передъ обими плыло, какъ въ радужномъ туманѣ: неужели вправду они стали богачами? И завтра они уже увидятъ свои семьи? Развѣ еще не вчера ихъ сгибала въ три погибели злая и черная нужда?

Въ чайной кромѣ нихъ сидѣла артель печниковъ изъ семи душъ, двое ломовыхъ, съ бородами, запудренными мукой, два точильщика, столяръ, пахнувшій замазкой, и полицейскій урядникъ въ розовомъ гарусномъ шарфѣ. Онъ пилъ изъ стакана чай съ лимономъ и порою, какъ-бы невзначай, косился то на Лотушку, то на Семена Зайцева; а иногда какъ съ знакомымъ переговаривался съ хозяиномъ чайной.

— Когда, Емельянычъ, пятаго сына крестить позовешь?

На что тотъ отвѣчалъ, тряся рыжей бороною:

— Теперича ужъ дочка у жены уродится!

— Почему такъ?

— Женихи хорошіе на примѣтѣ есть.

— Какіе женихи?

— Очень намъ по ндраву. У насъ—чайная, у нихъ—трактиръ!

Лотушкѣ и Семену Зайцеву подали на столъ щи со снятками. Вкусно запахло капустой и сильно разваренной рыбой. Изъ-подъ прилавка, выгибая спину, вылѣзла кошка съ кривымъ глазомъ и громко замыкала.

А въ чайную сразу вошли еще трое: околоточный въ щегольскихъ офицерскихъ сапогахъ и двое городовыхъ. Урядникъ вытянулся передъ околоточнымъ и поправилъ на себѣ шапку.

— Которые сбытчики?—спросилъ околоточный урядника дѣловито, по-офицерски стукнувъ каблуками.

— Вотъ эти самые, — неопредѣленно кивнулъ тотъ подбородкомъ.—Такъ что двадцатипятирублевый билетъ ими размѣненъ. Одинъ на вокзалѣ, а другой здѣсь. И очень ужъ нелѣпо поддѣланы. На вокзалѣ брать даже не хотѣли, да я моргнулъ: «отчего, дескать, не поймать птичекъ». А здѣсь уже были мной предупреждены и взяли билетъ съ удовольствіемъ.

— Второй?

— Такъ точно.

Хозяинъ въ зеленомъ фартукѣ ласково сказалъ околоточному:

— Вотъ эти самые гуси, Иванъ Парфенычъ, — и равнодушно ткнулъ пальцемъ на Лотушку и Семена Зайцева.

Тѣ выронили ложки и перестали жевать вкусныя горячія щи. Снова будто дурманнымъ туманомъ окутало ихъ, опуская въ черныя бездны.

«Опять сонъ это? — подумали оба, — или занедужили мы?»

Двое городскихъ взяли ихъ за локти и грубо одернули. Семень Зайцевъ весь сразу сгорбился.

— Признаете себя виновными? — спросилъ околоточный, опять форсисто стукнулъ каблукъ о каблукъ, обращая вниманіе всѣхъ на свои сапоги.

Оба молчали. Кривились щеки ихъ, и дергались губы.

— Знать не знаю, — протянулъ Лотушка.

— Сами дѣлали? или только сбываете? — спросилъ околоточный.

— Надо-бы обыскать ихъ, — посоветовалъ вкрадчиво урядникъ.

— Обыскать! — коротко приказалъ околоточный строгимъ окрикомъ.

Городовые снова одернули обоихъ за локти, опоражнивая ихъ карманы. Печники протискивались впередъ, кладя подбородки на плечи переднихъ.

— Которые не причастны, не толкаться, — цикнулъ околоточный. — Осадите-сь, мусью, эй вы! Не въ циркѣ-сь!

Когда двое городскихъ высыпали, наконецъ, изъ лыковыхъ котомокъ цѣлыя груды грубо поддѣланныхъ кредитокъ, вся чайная ахнула, загалдѣла, подалась впередъ.

— С-с-с, — удивленно раздалось въ заднемъ ряду.

— Милліонеры съ липовыми портемонетами, — сострилъ одинъ изъ печниковъ и тихо разсмѣялся.

Но околоточный снова сердито цикнулъ:

— Безъ замѣчаніевъ! Неумѣстно. Это вамъ не комедія Шекспира, а должностной опросъ! Расходитесь, которые! Ефименко, прими энергичныя мѣры!

— Сдѣлайте Божескую милость, — вдругъ плаксиво затянулъ Семень Зайцевъ.

Околоточный презрительно, носкомъ сапога порылся въ валявшихся на полу бумажкахъ и, цѣдя сквозь зубы, проговорилъ:

— И сработано-то до чего неряшливо! Ни одна собака такой мусоръ за двадцатипятирублевки не приметъ! Эхъ, вы! Сознавайтесь! — вдругъ закричалъ онъ совсѣмъ грозно, — сами дѣлали или только сбываете? Откуда получаете такую фабрикацію?

— Не-не-не, — забормоталъ Семень Зайцевъ, и вдругъ опустился на колѣни, завздохавъ всей грудью.

— На дорогѣ мы нашли все это! — рѣзко и вызывающе заявилъ Лотушка. — Не дѣлали мы и не сбывали, а на дорогѣ нашли! мы думали это настоящія. Очень просто! Въ чемъ же наша вина? Вяжите, пожалуйста, насъ, но мы ни въ чемъ не виноваты! Чего? ни въ чемъ не виноваты! Мы — пильщики! Коренные пильщики! Всю жизнь только этимъ и занимаемся! Ни въ чемъ неповинны!

— А ты, когда говоришь со мной, форсъ брось, — закричалъ околоточный неистово, — а ты чего ножку-то впередъ выставилъ? Кадриль

танцевать собираешься? Я тебѣ покажу кадрили! Ишь, какой рецензентъ выхватился!

Околоточный попятился. Валясь лбомъ къ полу, Семень Зайцевъ попалъ къ его щегольскимъ сапогамъ, невнятно бормоча что-то, содрогаясь въ плечахъ.

— Пьянь онъ,—сказали въ заднихъ рядахъ.

Столяръ ядовито замѣтилъ:

— Наглохтился, нашель время, политуры.

— Ваше благородіе!—наконецъ, выкрикнулъ Семень Зайцевъ какимъ-то утробнымъ воплемъ,—вели казнить, но только выслушай! Наша вина! Эй, повинись, Лоть! Наша вина! Ограбили мы у большой дороги шабойника! Который товары на шабаны мѣнялъ! Въ валенкахъ у него эти уймы были! Въ валенкахъ, за онучами! Эй, повинись, Лоть! Ваше бла... ва...

— Сволочь паршивая!—выдохнулъ Лотушка и ударилъ Семена Зайцева ногою въ губы.

Тоть распластался на полу, весь задергался и завизжалъ какимъ-то заячьимъ крикомъ.

Чайная вперевой затараторила, вдругъ принимая теперъ сторону Зайцева.

Столяръ, который только что подозрѣвалъ, что тотъ былъ пьянь съ политуры, сердито набросился на Лотушку:

— Ты за что его ногой ткнулъ, стерва? ничто за правду бьютъ? Гдѣ такіе законы, чтобы бить за правду? въ какихъ земляхъ? И-эхъ, совѣсть, лыковой портемонеть!

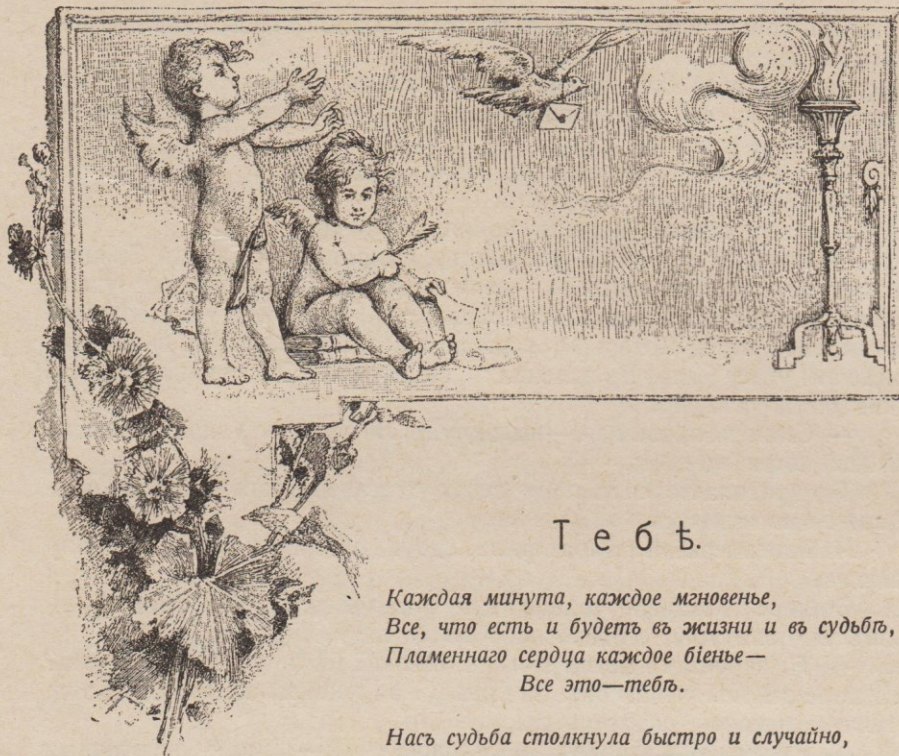
— Ефименко,—заоралъ и околоточный,—прими энергичныя мѣры! Устрани публику! Господа! Здѣсь не комедія Островскаго, а должностной опросъ! Господа, къ выходу! къ выходу! Ефименко! Бобровъ! Которыхъ не причастныхъ къ дѣлу! Административнымъ порядкомъ! Въ ш-шею!

Лотушку и Семена Зайцева судили черезъ четыре мѣсяца. На вопросъ предсѣдателя: «признаете-ли вы себя виновнымъ?»—Семень Зайцевъ тихо и покорно заплакалъ. А Лотушка заносчиво отвѣтилъ:

— Не признаю. Вѣдь, это только человѣку кажется, что онъ самъ по своей дорогѣ идетъ. А на самомъ дѣлѣ ведутъ подъ уздцы человѣка. А куда,—въ храмъ или въ кабакъ,—объ этомъ его даже и не спрашиваютъ. Не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ. А вы,—какъ хотите, судите...

А. Будищевъ.

Т е б ъ.

*Каждая минута, каждое мгновенье,
Все, что есть и будетъ въ жизни и въ судьбѣ,
Пламеннаго сердца каждое бѣнье—
Все это—тебѣ.*

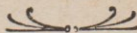
*Насъ судьба столкнула быстро и случайно,
И сплела навѣки—въ это вѣрю я...
Расцвѣгла межъ нами дорогая тайна—
Я твоя, твоя!*

*Пусть насъ ждуть тревоги, горе и ошибки,
Пусть порой тоскою, плача и скорбь—
Всѣ мои желанья, слезы и улыбки—
Все лишь—для тебя.*

*Что во мнѣ дрожатъ немолчными струнами,
Что дарятъ мнѣ пѣсни, радость и цвѣты,
Что волнуетъ душу дорогими снами—
Ты, и только ты.*

*Ты мнѣ всѣхъ прекраснѣй, ты всего дороже,
При тебѣ—нѣтъ боли, страха и стыда...
Если ты меня разлюбишь...
Боже, Боже!
Умереть тогда.*

Т. Щепкина-Куперникъ.

Птица.

Въ моей душѣ поселилась большая птица. Она прилетѣла безшумно и осталась тамъ, и вся жизнь моя стала ея колыбелью.

Эта птица—моя любовь къ тебѣ...

Какъ любовь моя—вся трепеть, и полеть, и стремленіе, такъ и птица души моей мѣняетъ безпрестанно свой обликъ.

Иногда ея крылья—бѣлы, какъ блестящая снѣжная риза: она простираетъ ихъ надо мной—и все во мнѣ становится ясно и глубоко, какъ небо...

Иногда крылья ея розовѣютъ, какъ вершины снѣговыхъ горъ на утренней зарѣ... Тогда нѣжность и ласка воцаряются въ сердцѣ, и любовь моя звенить слезами умиленія.

Но порою алѣетъ розовый отблескъ, загораются крылья моей птицы...

И горитъ она вся, какъ раскаленный уголь, и жжетъ меня огнемъ любви.

Я вижу его зарево и въ твоихъ глазахъ—и, охваченные пожаромъ страсти, мы горимъ въ мгновенномъ сляніи скорби и упоенія.

* * *

Тихой весенней ночью я думаю о тебѣ.

Лучи луны лежатъ на полу, на цвѣтахъ... Крылья моей птицы голубѣютъ—и вся она дрожить, какъ лунный лучъ. Трепетныя тѣни бѣгутъ по сердцу.

Чудится въ тишинѣ, что ты со мною... Что голова моя покоится на твоей груди, и кто-то невидимый шепчетъ мнѣ дивную сказку...

Сказка моя, моя лунная загадка, гдѣ ты? Счастье мое, любовь моя—гдѣ ты?..

* * *

Гаснутъ звѣзды. Свѣтлѣетъ небо. Тихо шепчутся сонныя деревья... Я одна.

Просыпается птица... Ея крылья сѣры и печальны, какъ пепель... Она обнимаетъ ими всю мою душу и тоскуетъ, и плачетъ...

И душа моя—вся любовь, вся тоска о тебѣ...

Мечется и бьется сѣрая птица: ея крылья темнѣютъ, какъ море въ непогоду,—и по нимъ бѣгутъ зигзаги молній...

И душа моя вся горе, вся—печаль о тебѣ...

* * *

Но ты опять со мной—жизнь моя!..

И усталыя крылья перестают биться, и затихаю я вся подъ твоей лаской. Высыхают жгучія слезы скорби, уплываютъ облака печали... Крылья птицы свѣтлѣютъ,—свѣтлѣютъ, какъ небо, какъ бездонная глубина лазури...

Ты со мной—и трепещутъ лазурныя крылья!..

Ты со мной—и кругомъ расцвѣтаетъ весна!..

Посмотри—бѣлыя облака плывутъ по небу: не они-ли окутали вѣтви яблонь, и задумались на нихъ, и медлятъ ихъ покинуть?..

Посмотри—въ травѣ притаились гиацинты и фіалки! На вѣтвяхъ еще безлистныхъ деревьевъ дрожатъ подъ лаской вѣтерка душистыя сережки.

Горятъ на солнцѣ золотыя цвѣточки кленовъ!..

Ты со мной! И душа моя горитъ, какъ безчисленныя золотыя цвѣточки.

И лазурная птица поетъ въ ней ликующую пѣсню!

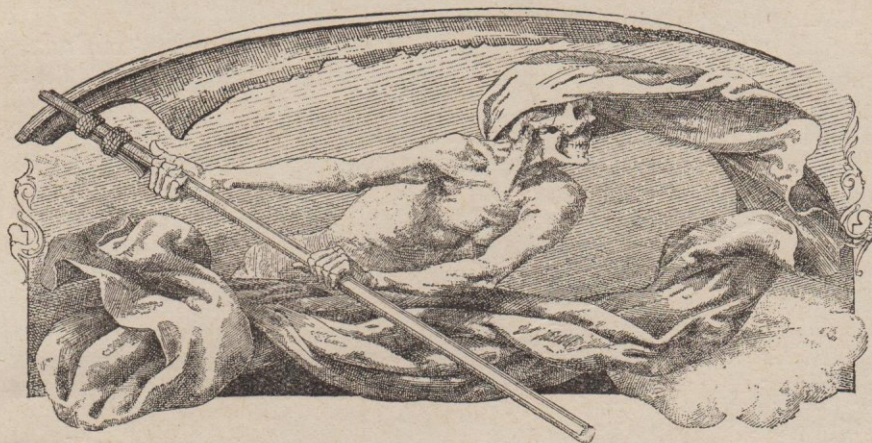
* * *

О, моя божественная птица! Ты сияешь и гаснешь, ты плачешь и ликуешь... Ты больно порою ранишь мое сердце и терзаешь скорбью мою душу... Но зато порой уносишь ты меня на своихъ крыльяхъ въ царство свѣта, въ царство лунной мечты... Въ царство огненныхъ цвѣтовъ упоенія... Ты поешь мнѣ чудесныя пѣсни... Ты мнѣ шепчешь обольстительную сказку! И загораются во тьмѣ волшебныя тюльпаны... И звенятъ тоскующія струны... И сплетаются серебряныя нити...

Сказка жизни!.. Унеси-же, унеси меня отъ жизни!..

М. Шубинская.

Глаза смерти.

Разсказъ В. К. Измайлова.

Извозчикъ остановился у вокзала. Я вылъзъ изъ санокъ и тотчасъ-же услышалъ позади себя голосъ Клавдіи Ивановны:

— Бѣжите, Орестъ Петровичъ, бѣжите, г-нъ Гридинъ! Пользуетесь двумя праздничными днями!

— Да, засидѣлся... Хочется провѣтриться.

— Зна-а-емъ!—съ хитрой улыбкой на худомъ, изможденномъ лицѣ протянула Клавдія Ивановна.—Такъ и быть ужъ провожу грѣховодника.

— Что же вы знаете-то, Клавдія Ивановна?

— Ну, батюшка, слухомъ земля полнится... А? что?

Я нарочно ничего не отвѣтилъ, чтобы дать возможность высказаться всевъдушей москвичкѣ. Мы уже были на перронѣ. Поѣздъ стоялъ, готовый сейчасъ-же отправиться въ путь. Близъ вагоновъ съ притворно-оживленными лицами стояли скучающіе провожатые. Слегка погромыхивая, катились, подталкиваемыя служащими, телѣжки съ послѣднимъ багажомъ. У перронныхъ входовъ стояли носильщики, мысленно подсчитывающіе заработокъ. Огромный и тощій несуразный мужикъ задѣлъ Клавдію Ивановну краемъ большого ящика, который онъ, сгорбившись, тащилъ на спинѣ.

— Мужланъ! невѣжа!—обидѣлась Клавдія Ивановна.

И тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, обратилась ко мнѣ съ видомъ лукавымъ и вмѣстѣ поощрительно-добрымъ—«ничего-де, молъ, дѣло житейское и былъ молодцу не укорь».

— Говорять, прехорошенькая... Въдь, сюда, въ Москву-то, не разъ припархивала...

— Да какъ это вы все знаете?

Клавдія Ивановна съ скромнымъ сознаніемъ своего достоинства сжала свои тонкія губы. И лишь живые, хотя и старческіе, глаза ея продолжали говорить: «живи, голубчикъ, хватай жизнь, жадно хватай, пока молодъ».

Третій звонокъ.

— До свиданія, Клавдія Ивановна!

— До свиданія! Ну-съ... весело провести время... Ахъ, молодежь, молодежь!—И она умиленно прищурила глаза и погрозила мнѣ длиннымъ сухимъ пальцемъ.

И пока я поднимался по высокимъ неудобнымъ ступенямъ уже тронувшагося вагона, все еще слышался ея надтреснутый голосъ, напоминающій клохтанье курицы.

— Желаю... весело...

Она на ходу махала мнѣ муфтой, и сморщенное личико ея было такое, словно она несказанно радовалась моему молодому счастью.

...Вскорѣ въ моихъ глазахъ при тускнѣющемъ свѣтѣ уходящаго зимняго дня замелькали длинные ряды красныхъ товарныхъ вагоновъ, желтыя будки, сараи, одинокія фигуры желѣзнодорожной прислуги, казавшіяся мнѣ почему-то до странности спокойными, ничего не желающими...

Поѣздъ постепенно увеличивалъ скорость. Замелькали безконечныя снѣжныя печальныя поля съ кое-гдѣ торчащими кустами бурелома, съ темнѣющими—точно мшистые наросты на бѣломъ стволѣ березы—деревенками. Далеко-далеко смутно маячитъ полоса лѣса. Надо всѣмъ—тусклое бѣлесое небо. Тихо, пустынно, грустно... И только поѣздъ шумно мчится впередъ. Стучить-гремять...

— Теперь Вѣра ждетъ меня,—отчетливо шепнулъ я, почти касаясь губами холоднаго стекла.

«Она пишетъ, что сообщить мнѣ важную новость. Что это? приѣзжаетъ мужъ? Значить, ранень...»

— Но не правда-ли, вѣдь все равно, ты останешься моей? Да, конечно!

Громяющій поѣздъ мчался впередъ. И слегка покачивались вагоны.

Сливающіяся дали снѣжныхъ полей и небесъ незамѣтно темнѣли; поля подергивались легкой синевою. Я вспомнилъ, что, когда я ѣхалъ на вокзалъ, по дорогѣ мнѣ встрѣтилась похоронная процессія... Зачѣмъ мнѣ вспомнилось это?

«Милая, солнышко мое! ты будешь только моей!..»

И снова мои губы почти коснулись холоднаго стекла.

...Вагонъ освѣтился. Я сѣлъ. Въ четырехмѣстномъ купѣ, напротивъ и наискосокъ отъ меня сидѣлъ офицеръ съ маленькимъ клѣтчатымъ сакомъ. Правая рука его висѣла на перевязи.

Въ небольшой приземистой фигурѣ довольно неказистаго на видъ, какого-то бѣлесаго, точно выцвѣтшаго, офицера съ приплюснутымъ носомъ и низкимъ широкимъ лбомъ не было какъ-будто ничего особеннаго. И положительно казалось, что слишкомъ ужъ какой-то простой, немудреннй человекъ этотъ ничего не пережилъ, даже и на войнѣ-то никогда не былъ, руку-же зашибъ случайно, поскользнувшись на панели, и ѣдетъ онъ теперь въ отпускъ къ женѣ, или къ родителямъ, съ которыми не очень давно видѣлся.

Я готовъ былъ произнести стереотипную фразу, съ какою обычно начинаютъ разговоръ съ незнакомыми людьми: «виновать... смѣю-ли спросить...» и т. д.,—какъ вдругъ офицеръ поднялъ слегка опущенныя вѣки и въ упоръ взглянулъ на меня своими свѣтло-карими, словно полинявшими, глазами...

Точно какая сила быстро откинула меня на спинку сидѣнья, а вопросъ замеръ на губахъ. Честное слово, это были не человѣческіе

Г. Мариссо.

УГОЛОКЪ ВЪ ЛѢСУ.

глаза! По крайней мѣрѣ, не живые человѣческіе глаза... Не умѣю лучше выразиться: было въ нихъ нѣчто—въ жизни, или сверхъ жизни. Но въ то же время это не были странные до жуткости глаза «тронутого», или совсѣмъ сумасшедшаго. И это обстоятельство поразило меня въ особенности и даже пронзило все мое существо жуткой тайной, тайной какъ-бы не отъ міра сего.

Я продолжалъ молчать, испытывая непріятное чувство, граничащее съ тупымъ безсмысленнымъ раздраженіемъ, точно взглядъ офицера вливалъ въ мою спокойно-радостную душу новую, невѣдомую мнѣ, ядовитую струю, разлагавшую мое внутреннее «я». Между тѣмъ не было въ этомъ взглядѣ ничего злого, враждебнаго мнѣ; напротивъ, было скорѣе что-то притягивающее, влекущее.

И вотъ эти холодные глаза вдругъ освѣтились яркими лучами ласковой доброты и вмѣстѣ едва уловимой печали... Я никогда еще не видѣлъ столь одухотворенно-прекрасныхъ въ своей суровой простотѣ глазъ.

— Вы, конечно, хотите заговорить со мной, услышать что-нибудь отъ побывавшаго на войнѣ,—самымъ непринужденнымъ образомъ, словно мы были знакомы давно, началъ онъ.—Съ вашей стороны это такъ естественно. Знаете что? Я недавно пріѣхалъ *оттуда*, но уже успѣлъ убѣдиться, что люди, страстно привязанные къ тому, что они называютъ жизнью, очень интересуются всѣмъ, что такъ или иначе соприкасается съ представленіемъ о смерти. Это все равно, какъ простыя непосредственныя натуры любятъ смотрѣть въ кинематографъ «ужасныя, леденящія кровь» картины и читать неправдоподобные романы съ ядами, отравленными клинками кинжаловъ, страшными подземельями... или валомъ валять смотрѣть бой быковъ, пѣтушій бой, случайную драку... засматриваются сквозь увеличительныя стекла на ужасы «священной» инквизиціи... вынутый изъ воды утопленникъ точно такъ-же всегда привлечетъ массу народа... Мнѣ кажется, это происходитъ оттого, что въ темныхъ глубинахъ человѣческой души есть нѣчто такое, что влечетъ человѣка, помимо даже его воли, инстинктивно къ представленіямъ «потусторонняго» свойства, а попросту сказать, учитывая конечный итогъ,—къ представленію смерти...

«Странный господинъ! И къ чему это онъ?»

— Виновать,—немножко грубо перебилъ я его,—вы были на передовыхъ позиціяхъ?

— Да, я именно на передовыхъ-то позиціяхъ и былъ почти все время, пока находился тамъ,—просто и спокойно отвѣтилъ офицеръ.

Я внезапно почувствовалъ себя такъ, будто подо мной начала колебаться почва, на которой зиждется все мое нравственное существо; точно то, чуждое мнѣ, что я чувствовалъ въ своемъ собесѣдникѣ, уже начинало одерживать, или покушалось одержать верхъ надъ моимъ внутреннимъ «я». И его спокойствіе страннымъ образомъ начало меня нервировать.

— На вашей рукѣ кольцо. Вы женаты... вѣроятно, скоро увидите съ супругой...

Я ожидалъ, что онъ нѣсколько растеряется, даже разсердится отъ безцеремонной неожиданности моего вопроса.

— Да, вы правы, я женатъ. (Мнѣ показалось, что онъ чуть-чуть улыбнулся при этихъ словахъ). Но, вѣроятно, къ женѣ я не поѣду. Я уже и написалъ ей объ этомъ. Вы удивлены? Это понятно, потому что вы ничего не знаете. Дѣло очень простое...

Онъ остановился. Мнѣ-же стало нѣсколько не по себѣ отъ внезапнаго остраго предчувствія чего-то для меня непріятнаго.

— Моя жена меня не любить. Больше того. Она мнѣ измѣнила и измѣняетъ до сихъ поръ. Про это я узналъ только около двухъ недѣль тому назадъ, узналъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

— Но,—съ волненіемъ возразилъ я,—есть вещи, которыя надо видѣть, чтобы повѣрить.

— У меня имѣется неопровержимое доказательство... (Мнѣ снова показалось, что онъ слегка усмѣхнулся). Въ моихъ рукахъ одно изъ ея писемъ къ любимому человѣку. Но не думайте,—быстро прибавилъ онъ, словно угадывая, что я скажу,—я ѣду совсѣмъ не къ нему. Надѣюсь, что наши пути не сойдутся. Да и живетъ онъ въ Москвѣ. И, наконецъ, если-бы я даже питалъ къ нему злое чувство (вѣдь, ужъ такъ полагается, чтобы обманутый мужъ сходилъ съ ума отъ ревности и стремился перерывать глотку своему сопернику), то что-жь я могъ-бы подѣлать съ своей-то рукой?.. Говорятъ, что онъ высокаго роста, хорошо сложенъ, очень недурной брюнетъ съ большими карими глазами. Признаюсь, когда я васъ увидѣлъ, я невольно почему-то вспомнилъ о немъ. И знаете что?—если встать на обычную человѣческую точку зрѣнія, то,—при условіи, что онъ похожъ на васъ,—можно только одобрить выборъ Вѣры...

Онъ проговорилъ послѣднія слова, уже явственно улыбаясь, но какою-то неопредѣленной улыбкой.

При послѣднемъ его, слишкомъ дорогомъ для меня словѣ, болѣзненно отдавшемся въ моемъ сердцѣ, я почувствовалъ, что блѣднѣю, и невольно закрылъ судорожно покривившееся лицо рукой.

— Вамъ худо? Позвать вагонновожатаго—подать воды?

«Конечно, это онъ, мужъ Вѣры... приземистый, неказистый!.. Я обезчестилъ его, а онъ: «подать воды!..».

— Благодарю васъ,—рѣзко сказалъ я.—Пустое. Не беспокойтесь. Я вспомнилъ аналогичную исторію, которая кончилась ужасно... я былъ очевидцемъ...

— А вы говорите: «пустое»!

Въ тонѣ его голоса мнѣ послышалось участіе, участіе большого и сильнаго человѣка къ маленькому и безпомощному. И вдругъ я почувствовалъ себя такъ, какъ будто не я его, а онъ втопталъ меня въ грязь, оплевалъ меня всего съ головы до ногъ.

— А вы меня не мистифицируете?—неожиданно для себя спросилъ я, волнуясь, съ нескрываемой злостью.

— Т.-е. какъ?—произнесъ онъ и нахмурился—въ первый разъ за все время нашей бесѣды.

Словно кто толкнулъ меня по наклонной плоскости, и я помчался къ пропасти, не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ.

— Очень просто. Вы почему-то увѣрены, что это именно я... Понимаете? И вотъ вы теперь жестоко играете мною, какъ кошка съ мышью...

— Что вы? Для моей увѣренности не было пока достаточныхъ оснований... Но теперь послѣ всего, что вы говорите и вообще что съ вами происходитъ, дѣйствительно, можно подумать, что случай подшутилъ надъ нами довольно злобно...

— Да кто вы?

— Странный вопросъ.

— А если дѣйствительно... я?—шепнуть я въ какомъ-то изступленіи бѣшенства.

Онъ пристально посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза. Я выдержалъ его взглядъ. Въ моихъ широко раскрытыхъ глазахъ онъ прочелъ, конечно, ненависть. Я-же въ его глазахъ снова увидѣлъ то, чуждое всему въ жизни, внѣ-жизненное, жуткое и вмѣстѣ влекущее къ себѣ, выраженіе, которое поразило меня раньше.

— Да, должно быть, это, дѣйствительно, вы...—какъ-бы про себя сказалъ онъ. И, помолчавъ немного, прибавилъ:—Знаете, что?.. Если-бы я былъ сейчасъ такимъ, какъ прежде, такимъ-же вотъ, какъ вы, я не сталъ-бы даже стрѣляться съ вами, а просто плюнулъ-бы вамъ прямо въ лицо, или закатилъ-бы здоровенную оплеуху, потому что лѣвая моя рука умѣетъ бить не хуже правой... иначе и не могло быть послѣ вашихъ... ну, словомъ, послѣ вашего, если угодно, признанія... Но теперь...

Онъ снова пристально взглянулъ на меня.

— Дайте мнѣ вашу руку.

Его просьба прозвучала въ моей душѣ, какъ требованіе, котораго нельзя ослушаться. И, пораженный, растерявшійся, я машинально протянулъ ему руку.

Онъ крѣпко пожалъ ее своей лѣвой рукой.

— Вы должны ужасно страдать... И—Боже мой!—какъ мнѣ васъ жалъ! Какъ я хотѣлъ-бы попросить у васъ прощенія... Но за что? Я не чувствую себя виноватымъ.

Кровь горячей волной обожгла мое сердце.

И тутъ произошло нѣчто такое, о чемъ я не помышлялъ даже за нѣсколько секундъ передъ случившимся. А произошло вотъ что: я всталъ, быстро нагнулся и поцѣловалъ его руку.

— Что вы?—крикнулъ онъ, тоже вставая.

— Я не знаю... я ничего не знаю!—мучительно страдая, залепеталъ я.—Я—какъ ребенокъ... а вы... Я—ничтожество предъ вами... червякъ... И я... понимаете?! Мнѣ нѣтъ... поймите, вѣдь, не можетъ же быть мнѣ прощенья!..

— Ну, оставьте это,—ради Бога, оставьте!

— Кто вы? Я снова спрашиваю васъ: кто вы?!

— Сядемте, и, прошу васъ, успокойтесь.

— Въ моихъ глазахъ вы какой-то homo novus. Я рѣшительно не понимаю васъ.

— Вотъ погодите, кончится война, армія возвратится домой,—и я уже не буду въ вашихъ глазахъ рѣдкостью... Видите-ли, быть можетъ, я нѣсколько поднялся выше того, что вы называете жизнью... или, пожалуй, любовью... потому что, вѣдь, жизнь и любовь—одно. Это сдѣлала война. Всѣ, кто не ощущалъ всѣмъ существомъ своимъ смерть, не слышалъ около себя ея ледяного дыханія, считаютъ войну величайшимъ зломъ. Да, конечно, она уноситъ массу жизней, массу людей, она лишаетъ поилъцевъ-кормильцевъ. Но,—какъ вамъ сказать?—для меня лично, вѣрнѣе, для моей, прежде скомканной и испачканной жизнью, души война оказалась высшимъ благомъ. Она открыла мои, прежде закрытые, глаза. Здѣсь, въ повседневной суетѣ, по рукамъ и ногамъ опутанные мелочами, дрызгами, мы живемъ иллюзіями, призраки принимаемъ за жизнь, любовь за счастье... И—лжемъ, лжемъ и лжемъ! Лжемъ передъ собою и передъ свѣтомъ. И, согласитесь сами, въ концѣ-то концовъ ужасно страдаемъ. Все это даже далеко

не новость. Какой-то поэт прямо-такъ и сказалъ, что мы-де пьемъ кубокъ жизни, не подозрѣвая, что на днѣ его ядъ. Но развѣ мы слушаемъ своихъ пророковъ?! Мы живемъ, думая, что истина въ жизни. Между тѣмъ истины въ жизни нѣтъ. Она только въ смерти. Только смерть открываетъ ее. Да, только холодно-величавая, правдивая смерть...

Странные, внѣ-жизненные глаза его загорѣлись тусклымъ стальнымъ блескомъ, такъ что было какъ-то трудно, почти жутко всматриваться въ нихъ.

— Смерть—жизнь. А жизнь, ваша прославленная жизнь,—смерть. Жизнь—ложь. Знаете, у птицы, у самцовъ преимущественно, въ цѣляхъ продолженія вида, бываетъ красивое, яркое опереніе. Вотъ такая-же ложь. Помните: «смертію смерть поправъ»... и еще въ родѣ этого-же,—надо «умереть, чтобы ожить...». Это сказано въ святой книгѣ. И все это я понималъ тамъ. Понималъ, когда въ продолженіе цѣлыхъ часовъ находился на волосокъ отъ смерти, когда люди кругомъ, десятками, сотнями, на моихъ глазахъ, въ нѣсколько мгновений переставали жить, навѣки уходили изъ жизни. И въ особенности понималъ это,—т.-е. не умою, а всѣмъ своимъ существомъ понималъ,—когда увидѣлъ огромное поле, усѣянное трупами... вотъ такъ-же, какъ земля около уличной скамейки усѣивается шелухой подсолнуховъ; когда перевидалъ сотни застывшихъ въ мертвенномъ покоѣ человѣческихъ лицъ. И у меня, смотрѣвшаго прежде на все вашими глазами... близорукими глазами жизни... у меня открылись острые, правдиво-безстрастные глаза—смерти...

Тамъ, хотите вы или нѣтъ, вашу душу подчинить эта масса мертвыхъ человѣческихъ лицъ... Послѣ ужасныхъ штыковыхъ боевъ обычно видишь искривленные послѣдней судорогой мучительной боли изсиня-сѣрая, потемнѣвшія лица, часто—съ кровавой застывшей пѣной на черныхъ устахъ... Но—повѣрьте!—даже сквозь эту судорогу проглядываетъ, смотритъ на васъ что-то вѣчное, не по земному красивое,—точно таинственный отблескъ высшей, неизнаемой нами, жизни, чистой, правдивой жизни... эта невыразимая печать темнаго ангела смерти, освобождающая отъ мелочей, лжи, страданій...

Тамъ царица — Смерть. Она—всюду. Около васъ, около всѣхъ. Вы почти осязаете ее. Вы—въ ея власти. И вы уже на все смотрите ея холодными, правдивыми глазами... Вотъ почему человѣку во время боя невѣдомъ страхъ. Потерять жизнь? Что такое жизнь, когда на полѣ битвы жизнь уступаетъ свой скипетръ смерти? Трусишь, быть можетъ, даже трясешься отъ страха передъ боемъ, въ особенности передъ первымъ боемъ. Но когда затрещатъ выстрѣлы, раздастся зловѣщій свистъ гранатъ, и вы ясно услышите коварное жужжанье чуть-чуть не задѣвающихъ васъ пуль, когда кругомъ, тамъ и сямъ съ беспомощными взмахами вытянутыхъ рукъ повалятся, какъ подшибленные снопы, люди,—и смерть осѣнитъ своими мощными крылами все поле,—страхъ убѣжитъ отъ васъ, какъ нѣчто, свойственное только жизни! Не сознание, а все существо ваше проникнется не презрѣніемъ даже, а тѣмъ, что выше и презрѣнія,—полнымъ равнодушіемъ—не къ смерти (это обычный lapsus linguae), а къ жизни... приобщится къ великому празднику Смерти...

Онъ замолчалъ и нахмурился. Молчалъ и я.

— А вотъ вы,—неожиданно началъ онъ снова,—удивляетесь мнѣ... На моемъ мѣстѣ и вы-бы, я даже увѣренъ въ этомъ, узнали

истинную цѣну прелестямъ жизни, всѣмъ этимъ увлеченіямъ, въ основѣ которыхъ или мерзость, или ложь, или то и другое вмѣстѣ... Хотя ложь сама по себѣ—уже мерзость...

«А не сумасшедшій-ли онъ?—неожиданно пришло мнѣ въ голову.— Сумасшедшій... Но почему-же я, человѣкъ «здраваго ума и твердой памяти», не могу смотрѣть на него иначе, какъ только снизу вверхъ? Почему давеча...»

Я поморщился, точно мнѣ уже неприятно стало это воспоминаніе о недавнемъ порывѣ самоуничиженія.

«Но вотъ что странно... а, впрочемъ, что-жъ тутъ страннаго? Я до сихъ поръ не знаю, куда-же онъ ѣдетъ. Конечно, ѣдетъ не къ женѣ; онъ самъ это сказалъ совершенно ясно... Ближе меня, или дальше? А если дальше?!»

Быстрый, отрывистый, жутко-тревожный гудокъ, потомъ сейчас-же другой—прервали мои размышленія.

Еще нѣскольکو секундъ, и поѣздъ остановился почти вдругъ, громыхнувъ буферами и затрясшись, точно могучей рукой остановленное на бѣшеномъ скаку чудовище. Офицеръ насторожился. Я вышелъ въ коридоръ. Полусонные пассажиры тревожно спрашивали другъ у друга: что такое? Никто, конечно, ничего не зналъ. Быстро прошелъ вагоновожатый съ зажженнымъ фонаремъ. «Что такое?»

— Видать, что ни есть случилось. Я не знаю.

Пристально всматриваясь черезъ стекло въ бѣлесую темень зимняго вечера, я видѣлъ, какъ мимо вагона изрѣдка пробѣгали черныя фигуры.

Зачѣмъ-то возвратившійся вагоновожатый снова быстро прошелъ черезъ вагонъ.

— Мальчика задавило,—успѣлъ только сказать онъ и скрылся въ противоположной двери.

Нѣскольکو пассажировъ метнулось къ выходу. Я быстро одѣлся и устремился за ними, путаясь въ полахъ шубы.

Офицеръ остался. Я оставилъ его погруженнымъ въ какую-то, какъ показалось мнѣ, горькую думу. «Ужъ не оплакиваетъ-ли онъ свои собственныя похороны?»—пришло мнѣ въ голову.

Около темнаго маленькаго желѣзнодорожнаго домика, смотрѣвшаго въ тьму освѣщеннымъ оконцемъ,—словно желтымъ слегка воспаленнымъ глазомъ, чернѣла толпа, изъ центра которой выбивался блѣдный, постепенно сливавшійся въ высотѣ съ мракомъ, свѣтъ.

«Люди вообще влекутся къ зрѣлищамъ крови»,—вспомнилась мысль офицера.

Навстрѣчу мнѣ шелъ человѣкъ.

— Что случилось?

— Мальчонку задавило. Съ насыпи на салазкахъ катался. Понятно, родителей-бы надо выпоротъ. На самомъ полотнѣ должно быть въ веревкѣ ногой запутался. А тутъ изъ-за поворота поѣздъ... Растерялся, вѣроятно. Возможно, что и столбнякъ со страху нашелъ. Богъ его знаетъ...

До странности огромную роль въ человѣческомъ воображеніи играютъ именно мелочи. «Мальчика задавило»,—и я устремился,—но влекомый больше всего и прежде всего любопытствомъ. Мало-ли драматическихъ «инцидентовъ» бываетъ на бѣломъ свѣтѣ! А вотъ когда: «на салазкахъ катался», «въ веревкѣ ногой запутался», «поѣздъ изъ-за поворота...»—такъ сейчасъ-же точно иглой кольнули въ мое сердце,

и всѣмъ моимъ существомъ овладѣло чувство безконечной и нѣжной жалости... Впрочемъ, приходило сюда и еще нѣчто... Правда краше солнца. Дико и грубо было-бы назвать это «нѣчто» чувствомъ злорадства. А что-то немножко въ родѣ того... Должно быть, въ глубинахъ души все-же таилась эта не осознанная мысль: «а все-таки это не я катался на салазкахъ, не я запутался ногой въ веревкѣ, не я пережилъ кошмаръ послѣдняго момента... вотъ я бѣгу сейчасъ—живой и здоровый»... Темная пропасть—душа человѣческая.

...Бѣгу въ распахнувшейся шубѣ. Морозный вѣтерокъ пронизываетъ съ ногъ до головы. Задѣваю локтемъ встрѣтившуюся дамочку, она падаетъ и говоритъ: «невѣжа». А мнѣ вспоминается мужикъ, толкнувшій на перронѣ Клавдію Ивановну. Вскорѣ самъ оступаю въ рытвину и тоже падаю и больно зашибаю колѣно. Поднимаюсь, снова бѣгу. «На салазкахъ катался... ногой въ веревкѣ запутался...» Расталкиваю толпу, работая локтями. «Ишь, нешто съ цѣпи сорвался!» ворчитъ кто-то. Вижу склонившагося человѣка въ форменномъ пальто и фуражкѣ; въ рукѣ его электрическій фонарь. Фонарь освѣщаетъ маленькую фигурку въ старой заплатанной ваточной кацавейкѣ—съ плеча матери. Ноги въ бѣлыхъ валенкахъ лежатъ слегка врозь и кажутся странно неподвижными. Но лицо заслонено склонившимся господиномъ.

— Позвольте, пожалуйста!

И я слегка отталкиваю господина.

— Что вамъ угодно? Вы—врачъ?—рѣзко отвѣчаетъ онъ.—Нѣтъ? Такъ что-жъ вамъ нужно?

Но я уже вижу это блѣдное, чуть-чуть потемнѣвшее, кроткое, дѣтское, съ вздернутымъ носикомъ, лицо. И на лицѣ этомъ—печать вѣчнаго безмолвія... Вотъ, за 15—20 минутъ предъ этимъ, онъ катался на салазкахъ—оживленный, радостный, разгорѣвшійся отъ движенія на чистомъ морозномъ воздухѣ... и вотъ ужъ онъ не существуетъ больше для этой жизни... И не нужно ему ни салазокъ, ни чистаго воздуха, ничего больше не нужно.

Трудно опредѣлить, какъ именно его задавило; около головы на снѣгу черное пятно, а на верхней части виска, у самыхъ волосъ, свѣтлыхъ, какъ лень, застывшая кровь. Должно быть, задѣло голову. Быть можетъ, онъ умеръ отъ страха? Слегка потемнѣвшія вѣки полукрываютъ, и тускло блестятъ мутные голубоватые неживые глаза.

И весь онъ—странно безмолвенъ и неподвиженъ...

«Милый! вотъ сейчасъ ты бѣгалъ, лепеталъ что-нибудь съ собою на своемъ дѣтскомъ языкѣ и вдругъ—ушелъ изъ жизни... навсегда... Но почему такъ не по-человѣчески, не по-земному, спокойно, до ужаса спокойно, твое дѣтское лицо? Почему вотъ именно теперь, когда ты ушелъ изъ жизни,—вѣдь, я очень много видѣлъ живыхъ—подобныхъ тебѣ,—почему именно теперь такъ неудержимо влечется къ тебѣ моя душа? Почему въ блѣдномъ личикѣ твоимъ чудится мнѣ какая-то вѣчная, неземная тайна? Почему оно представляется мнѣ теперь *лицомъ* и кажется, будто на немъ начертанъ іероглифъ высшей мудрости—не отъ міра сего?»

Безжизненное маленькое тѣло подняли и унесли въ домикъ съ освѣщеннымъ оконцемъ.

Около меня еще были люди; но я вдругъ почувствовалъ себя ужасно одинокимъ—съ своей тоской и неразрѣшимой загадкой... Болѣзненно сжалось сердце, и мнѣ показалось, что я долженъ на

прощанье крикнуть неживому дитяти что-то необходимое, хорошее, идущее из чистых и глубоких тайников души.

Но не находилось словъ такихъ...

И я только шепнулъ:

— Прощай!

И потомъ уже про себя прибавилъ,—словно я, живой, продолжающій жить, почувствовалъ вдругъ себя виноватымъ въ томъ, что еще живу, и въ томъ, что онъ, маленькій и невинный, ушелъ изъ жизни,—прибавилъ:

— Прости!!

Какъ будто крылья выростали у моей до глубины взволнованной души,—крылья кроткой чистоты и невинности. И уже совсѣмъ не думалось о жизни... Какъ-будто бессмертная душа младенца взяла мое человѣческое существо въ себя и влекла теперь въ безконечную высоту, въ свѣтлое царство невыразимыхъ восторговъ освобожденнаго, воскрешеннаго духа человѣческаго...

«Не это-ли глаза—Смерти, великой, правдивой царицы вселенной?»

Поднялъ лицо. Далекое небо, словно гигантская темно-синяя риза Господня, сверкало безчисленнымъ сонмомъ спокойно-величавыхъ недвижныхъ звѣздъ.

Тщетно затрепетала заключенная душа моя уже выросшими крылами своими, порываясь въ высь. И невыразимая мука, и молитвенный восторгъ слились воедино...

— Вѣрю въ Тебя, Господи! Вѣрю въ бессмертіе души моей!! И въ бессмертной душѣ моей—Ты, Господи!..

Тогда показалось мнѣ, что я органически не могу сейчасъ видѣть людей, сѣсть въ вагонъ, ѣхать куда-то... И по вырытымъ въ насыпи землянымъ ступенькамъ быстро, точно спасаясь отъ погони, поднялся на насыпь. Вдали сверкали желтые огоньки деревеньки. Свободно вздохнулъ и тихо-тихо побрелъ по снѣжной тропинкѣ...

... Вотъ почему, господа,—закончилъ Орестъ Петровичъ,—я круто и безповоротно порвалъ съ любимой женщиной, женой человѣка, который встряхнулъ все мое существо, какъ встряхиваютъ платье, сбивая съ него пыль и грязь. Поэтому-же я сталъ, какъ вы говорите, совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Теперь вы понимаете меня, друзья мои, и надѣюсь, простите за то, что я не могу... «пѣть въ унисонъ съ вами». Я подошелъ къ пропасти. Ничего осязательнаго не разглядѣлъ въ ней. Но я подошелъ къ ней. И глаза мои не могутъ оторваться отъ нея.

Вл. Измайловъ.

* * *

Я бловень судьбы. Ужь съ колыбели
Богатство, почести, высокій сань
Къ возвышенной меня манили цѣли,—
Рождениемъ къ величю я призванъ.

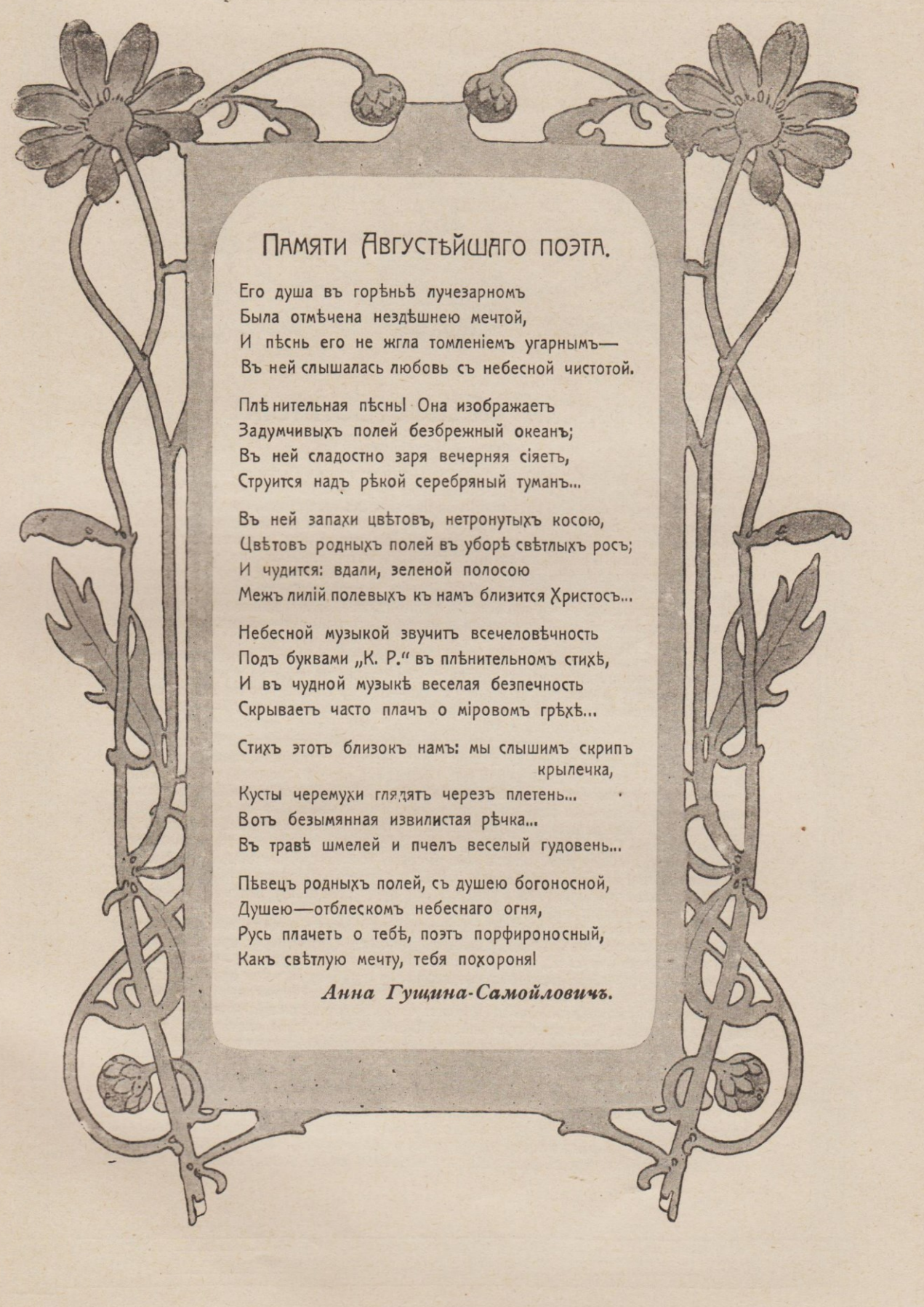
Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,
Родного православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь.

Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
Я буду пѣть немолчно до конца,
И что во славу матушки-Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца.

Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Президентъ Императорской Академіи наукъ, талантливый русскій Августѣйшій поэтъ.

† 2-го іюня 1915 г.

ПАМЯТИ АВГУСТЪЙШАГО ПОЭТА.

Его душа въ горѣнь лучезарномъ
Была отмѣчена нездѣшнею мечтой,
И пѣснь его не жгла томленіемъ угарнымъ—
Въ ней слышалась любовь съ небесной чистотой.

Плѣнительная пѣснь! Она изображаетъ
Задумчивыхъ полей безбрежный океанъ;
Въ ней сладостно заря вечерняя сіяетъ,
Струится надъ рѣкой серебряный туманъ...

Въ ней запахи цвѣтовъ, нетронутыхъ косою,
Цвѣтовъ родныхъ полей въ уборѣ свѣтлыхъ росъ;
И чудится: вдали, зеленой полосой
Межъ лилій полевыхъ къ намъ близится Христось...

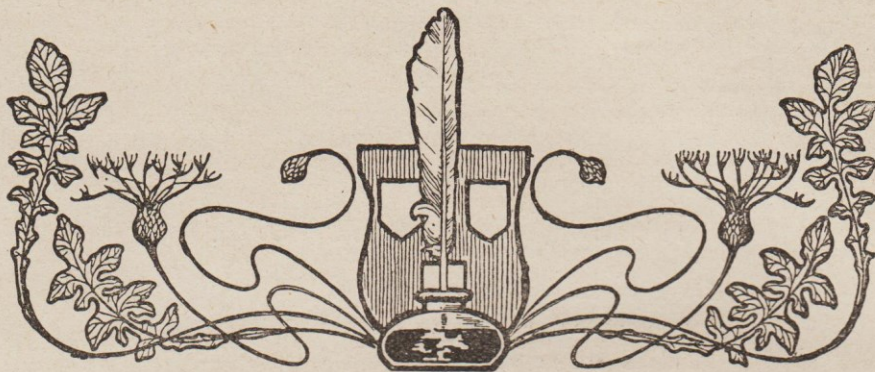
Небесной музыкой звучитъ всечеловѣчность
Подъ буквами „К. Р.“ въ плѣнительномъ стихѣ,
И въ чудной музыкѣ веселая безпечность
Скрываетъ часто плачь о міровомъ грѣхѣ...

Стихъ этотъ близокъ намъ: мы слышимъ скрипъ
крылечка,

Кусты черемухи глядятъ черезъ плетень...
Вотъ безымянная извилистая рѣчка...
Въ травѣ шмелей и пчель веселый гудовень...

Пѣвецъ родныхъ полей, съ душою богоносной,
Душою—отблескомъ небеснаго огня,
Русь плачетъ о тебѣ, поэтъ порфиросный,
Какъ свѣтлую мечту, тебя похороня!

Анна Гущина-Самойловичъ.

Мобилизація общественныхъ силъ.

Статья В. Брусянина.

Мировая, небывалая война оказалась для народовъ Европы не только испытаніемъ «огнемъ и мечемъ», но и испытаніемъ духа человѣческаго. Миръ изумленъ актами героизма и самопожертванія на передовыхъ позиціяхъ, но война требуетъ отъ каждой изъ воюющихъ сторонъ того же героизма и самопожертванія и въ глубокомъ тылу. Между тыломъ и передовыми позиціями—постоянная и непосредственная связь не только въ проявленіяхъ матеріальныхъ, но, быть можетъ, еще больше и въ проявленіяхъ духовныхъ. Душа воюющихъ должна быть согрѣтой тѣми, кто остался въ тылу, и о тѣлѣ воюющаго должны заботиться мы, оставшіеся въ тылу; и о воинскихъ снаряженіяхъ и о снарядахъ должны заботиться опять-таки мы, оставшіеся въ тылу. Связь тыла и передовыхъ позицій—залогъ необходимой побѣды надъ врагомъ.

Это основное правило войны и объединило нашихъ промышленниковъ, съѣздъ которыхъ явился самымъ крупнымъ событіемъ въ тылу за все время десяти-мѣсячной войны, а резолюціи этого съѣзда—нашли откликъ и во всѣхъ слояхъ русскаго общества, готоваго довести войну до ея логическаго конца—побѣды надъ германскимъ милитаризмомъ и надъ прусскою гегемоніей, увѣнчанными ультра-монархическими и завоевательными поползновеніями императора Германіи.

Текущая война вскрыла и еще одну мировую сущность народнаго бытія. Съ первыхъ же дней войны каждая изъ воюющихъ сторонъ поняла, что, при современной военной техники и при встрѣчѣ миллионныхъ армій съ оружіемъ въ рукахъ, борьба превратилась не въ борьбу правительствъ и войскъ, а въ борьбу цѣлыхъ народовъ или нѣсколькихъ національностей, объединенныхъ одной короной. Это наблюдается въ Германіи и въ Австріи, это же имѣетъ мѣсто и у насъ въ Россіи.

Съ первыхъ же дней войны мы, русскіе, назвали войну съ Австріей и Германіей *народной войной*... Недаромъ люди, возвращающіеся съ передовыхъ позицій, заявляютъ, что наряду съ офицерами по профессіи войну ведутъ прапорщики запаса, т. е. молодые побѣги русской интеллигенціи.

Русская интеллигенція мобилизовала свои силы съ начала войны и въ тылу арміи. Земскіе люди и дѣятели городскихъ управленій, инженеры, врачи, адвокаты, писатели, артисты и т. п., включительно до учащейся молодежи,—всѣ съ изумительнымъ единодушіемъ начали самоотверженную работу въ тылу арміи во имя побѣды на передовыхъ позиціяхъ. И выступленіе промышленниковъ, которое пріобрѣло особую значительность въ моментъ серьезнаго положенія родины,—явленіе того же порядка. Голосами промышленниковъ сказано свое слово все тотъ же русскій народъ въ его массахъ, потому что, какія бы прекрасныя пожеланія ни были высказаны нашими заводчиками и фабрикантами, осуществить эти пожеланія они могутъ только при содѣйствіи трудящихся массъ, которыя численностью своей выражаютъ большинство народа.

Въ первомъ пунктѣ своей резолюціи объединившіеся промышленники выразили основную мысль своего почина такъ: «Организовать всю неиспользованную мощь русской промышленности для удовлетворенія нуждъ обороны государства». Въ слѣдующихъ пунктахъ резолюціи эта основная мысль развита болѣе подробно:

«Въ сознаниі необходимости довести войну до побѣдоноснаго конца, не останавливаясь ни передъ жертвами, ни передъ продолжительностью борьбы, и въ твердой увѣренности, что наша доблестная армія и флотъ, подъ руководствомъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ тѣсномъ единеніи съ народомъ выполнять это великое историческое дѣло...». Съ такимъ призывомъ обратились промышленники къ остальнымъ народнымъ массамъ.

Въ тѣсномъ единеніи съ народомъ только и можно выполнить эту колоссальную и нужную работу. Это ясно теперь и для власти, и для народа...

Еще задолго до выступленія объединившихся промышленниковъ, земскіе люди и представители городскихъ самоуправленій начали тыловую работу во имя побѣды на передовыхъ позиціяхъ. Уполномоченные земствъ и городовъ организовали на передовыхъ позиціяхъ и въ тылу санитарные и питательные отряды и медицинскіе пункты и т. п. Немало потрудились общественныя организации и въ дѣлѣ снабженія арміи одеждой и бѣльемъ и необходимыми продуктами питанія. И работа общественныхъ организаций на передовыхъ позиціяхъ почиталась всѣми, какъ образцовая работа, озаренная братской любовью въ воюющему солдату. И какъ только объединившіеся промышленники подали свой голосъ, земскія и городскія общественныя организации откликнулись первыми на этотъ призывъ.

5-го іюня въ Москвѣ состоялось собраніе уполномоченныхъ общеземскаго союза, которое и вынесло резолюцію, въ которой было выражено слѣдующее: «1) Признать необходимымъ объединеніе всѣхъ живыхъ силъ страны въ дѣлѣ удовлетворенія нуждъ обороны государства; 2) признать необходимость широкаго участія земской Россіи въ дѣлѣ снаряженія всѣмъ необходимымъ дѣйствующей арміи; 3) признать, что, въ цѣляхъ успешнаго выполненія этихъ новыхъ задачъ, дѣло это должно быть поручено не отдѣльнымъ земствамъ, а всероссійскому земскому союзу, какъ объединяющему собою всю земскую Россію». Далѣе въ резолюціи говорится о необходимости объединенія земскихъ силъ съ силами промышленниковъ, которые организовали изъ своей среды центральный военно-промышленный комитетъ въ Москвѣ и открываютъ рядъ мѣстныхъ военно-промышленныхъ комитетовъ въ другихъ крупныхъ городахъ и въ фабрично-заводскихъ центрахъ.

Одновременно съ этимъ въ той же Москвѣ и въ тѣ же дни состоялся и съѣздъ городскихъ головъ, какъ представителей общегородской организации съ военными цѣлями. Такимъ образомъ, земскіе люди совмѣстно съ дѣятелями городскихъ самоуправленій и съ промышленниками образуютъ новую объединенную организацию народныхъ силъ во имя самообороны дорогой намъ всѣмъ родины. Это объединеніе и есть мобилизациа общественныхъ силъ, подобно широко разлившейся рѣкѣ народной энергіи. И не естественно ли, если мы скажемъ, что и энергія другихъ классовъ населенія должна влиться-въ эту же широко разлившуюся рѣку.

Такъ, повидимому, и понята основная задача и другими слоями населенія. На призывъ промышленниковъ, земствъ и городовъ откликнулись многія кооперативныя учрежденія и профессиональныя организации и даже отдѣльныя группы промышленниковъ, дѣятельность которыхъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нуждамъ арміи и обороны. Винокуренные заводчики московскаго района, оставшіеся не у дѣлѣ, также организовали общее собраніе и порѣшили обратиться въ министерство торговли и промышленности съ предложеніемъ использовать всѣ винокуренные заводы подъ устройство мастерскихъ для производства различныхъ предметовъ на нужды обороны. Эта готовность винокуренныхъ заводчиковъ въ своемъ родѣ даже красивый символическій жестъ новой отрезвившейся Россіи. Совѣтъ Новороссійскаго университета постановилъ просить министра народнаго просвѣщенія «изыскать способы привлеченія къ работѣ, требуемой обстоятельствами и событіями военнаго времени, научныхъ силъ другихъ, кромѣ медицинскаго, факультетовъ въ области химіи, механики, геодезии и другихъ специальностей, могущихъ оказаться полезными въ настоящій моментъ».

Нельзя сомнѣваться, что съ такой же готовностью примкнуть къ общей работѣ поспѣшатъ и другіе университеты и различнаго рода спеціальныя высшія учебныя заведенія, дѣятельность которыхъ нужна единой для насъ всѣхъ цѣли—побѣды надъ врагомъ во что бы то ни стало.

И мы вѣримъ, что промышленныя, земскія, городскія общественныя организации, объединившись съ россійской интеллигенціей безъ различія пола и національностей, и въ единеніи съ живыми силами трудящихся массъ создадутъ неокрушимый оплотъ для цѣльности и славы всѣмъ намъ дорогой родины.

Итакъ, впередъ во имя общей работы!..

В. Брусянинъ.

Война и дѣти.

Статья Василія Б—а.

У римскаго легіонера Германика и его супруги Агриппины Старшей въ лагерѣ родился сынъ, прозванный легіонерами Калигуллой. Даже въ прозвищѣ этого мальчика есть что-то символическое, воинское. Римскіе солдаты носили тяжелую обувь, которая называлась *калигами*, и маленькій сынъ Германика полюбилъ эту обувь съ дѣтства. Онъ ходилъ по лагерю въ тяжелыхъ калигахъ и воображалъ себя воиномъ, а суровые римскіе легіонеры, сражавшіеся съ германскими варварами, почитали мальчика-воина, какъ будущаго вождя.

Этотъ образъ древне-римскаго юнаго воина Калигуллы вспоминается нерѣдко въ дни нашей войны. И у насъ, и въ союзныхъ съ нами государствахъ, и въ вражескомъ станѣ,—всюду появились современные намъ Калигуллы, юные воины. Двинулось на войну взрослое населеніе, объединенное однимъ чувствомъ любви къ родинѣ, потянулись на передовыя позиціи и юные добровольцы. Въ началѣ войны столичныя и провинціальныя газеты заперстрѣли сообщеніями о «побѣдахъ» на войну гимназистовъ и реалистовъ, «дѣтей улицъ», дѣтей сиротъ, которыя не могли-бы похвастать уходомъ за собою со стороны взрослыхъ. Отмѣчено было, однако, что на войну бѣгутъ, главнымъ образомъ, дѣти городовъ, въ деревняхъ же не наблюдались случаи побѣга юныхъ добровольцевъ.

Воспитанники гимназій, семинарій и реальныхъ училищъ нерѣдко обращались къ своему начальству съ петиціями, прося разрѣшенія на походъ на войну. «Мы готовы помочь родинѣ,—писали въ своей петиціи воспитанники Омской учительской семинаріи.—Мы готовы помочь! У насъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ мы могли-бы помочь ей, кромѣ собственной жизни, и мы готовы пожертвовать ею».

Подъ этимъ воззваніемъ могли-бы подписаться и всѣ другіе юные добровольцы, стремящіеся на передовыя позиціи. А воспитатели и родители, застигнутые врасплохъ новыми переживаниями дѣтей, растерялись и въ началѣ войны не знали, какъ же слѣдуетъ отнестись къ понятному для всѣхъ, новому исканію дѣтей родины? Многіе родители, дѣти которыхъ сбѣжали на войну, пришли въ отчаяніе и ужасъ за судьбу маленькихъ воиновъ, потянувшихъ за воинскими эшелонами. Не меньшимъ страхомъ проникались и тѣ педагоги и воспитатели закрытыхъ учебныхъ заведеній, изъ интернатовъ которыхъ воспитанники бѣжали по ночамъ и исчезали.

Учащимся юношествомъ овладѣла даже какая-то поспѣшность осуществленія горячаго желанія—ухода на войну. Гимназій съ ихъ «учебой» какъ-бы отодвинулись на второй планъ, а на первый планъ стремленій юношества выдвинулась война со всѣми ея нервными и нервирующими слухами о побѣдахъ и подвигахъ. Помогла этому пожару юныхъ душъ и наша не особенно разборчивая и неосторожная пресса, гоняющаяся за сенсацией. Газеты не ограничивались описаніемъ доблестей юныхъ добровольцевъ, но съ паосомъ описывали иногда и побѣги, сцены «изловленія» бѣженцевъ, сцены пересылки ихъ этапомъ и т. п. А въ декабрѣ мѣсяцѣ тѣ же газеты печатали: «Со всѣхъ концовъ Россіи въ министерство народнаго просвѣщенія поступаютъ отъ попечителей учебныхъ округовъ прошенія родителей гимназистовъ старшихъ классовъ о предоставленіи ихъ дѣтямъ права держать экзамены въ теченіе декабря или сейчасъ же послѣ новаго года, съ тѣмъ, чтобы юноши могли, не теряя учебнаго года, поступать добровольцами въ дѣйствующую армію». Это желаніе родителей урегулировать и, такъ сказать, узаконить стремленіе юношества на войну совпало съ заключеніемъ педагогическаго начальства, которое видѣло, въ какой мѣрѣ было сильно тяготѣніе учащихся къ передовымъ позиціямъ.

А съ передовыхъ позицій во внутренніи губерніи стали уже возвращаться раненые добровольцы, часто съ Георгіями на груди. Въ газетахъ заперстрѣли сообщенія корреспондентовъ и рассказы очевидцевъ о томъ, какъ доблестно вели себя юные воины на поляхъ брани. Командиры отдѣльныхъ воинскихъ командъ свидѣтельствовали, что юноши на полѣ брани оказались превосходными развѣдчиками. Появлялись въ газетахъ и бытовые штрихи изъ жизни въ окопахъ. И снова объ юныхъ добровольцахъ рассказывалось и писалось, какъ о доблестныхъ воинахъ. Рассказывалось, на примѣръ, о томъ, какъ дѣти въ возрастѣ 12—13 лѣтъ переносили ужасы испытаній подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ. Описывались мальчики, которые въ началѣ своего пребыванія въ окопахъ занимались лишь тѣмъ, что подносили солдатамъ патроны, потомъ эти юные воины обучались стрѣльбѣ и, съ трудомъ держа въ рукахъ винтовку, стрѣляли. При этомъ не говорилось, въ какой мѣрѣ ихъ стрѣльба была продуктивна, но можно было-бы напередъ сказать, что стрѣльба эта не приносила существеннаго урона въ рядахъ непріятеля: винтовки для подростковъ тяжелы, и нужны соответствующія силы, чтобы владѣть ими.

Но описанія внѣшнихъ событій изъ жизни юныхъ добровольцевъ въ окопахъ, это еще не все, что слѣдовало-бы знать и родителямъ и воспитателямъ, разъ дѣти наши такъ близко подошли къ смерти. Среди взрослыхъ воиновъ они оказались выносливыми, храбрыми, безстрашными и терпѣливыми.

Но вотъ вопросъ, мимо котораго нельзя было пройти въ молчаніи: какъ война отозвалась на духовной жизни подрастающаго поколѣнія? Съ какимъ душевнымъ укладомъ вернутся съ полей брани юные воины, если подчасъ нервными возвращаются съ войны даже и люди взрослые? Жизнь человѣческая на войнѣ, въ пылу битвы, становится менѣе цѣнной, нежели при другихъ условіяхъ. Не только убійство отдѣльнаго человѣка, но даже истребленіе цѣлыхъ корпусовъ на войнѣ возводятся въ задачу существованія. Такова уже война, какъ таковая, и такихъ жертвъ она хочетъ. И это такъ понятно для людей взрослыхъ, идущихъ на войну съ яснымъ сознаниемъ поставленныхъ цѣлей. Но никто же не будетъ оспаривать положенія, что отъ нашихъ юныхъ добровольцевъ мы не можемъ требовать такого же сознанія. Для нихъ война съ ея ужасами только преждевременное испытаніе ихъ неокрѣпшей нервной системы, а испытанія эти чрезмѣрны... Многочисленные очевидцы жизни юныхъ добровольцевъ на войнѣ свидѣтельствуютъ, что война преображала весь укладъ духовной жизни юныхъ воиновъ. Они слишкомъ уже рано научались не дооцѣнивать человѣческую жизнь, слишкомъ уже рано являлись участниками пролитія крови...

Привычка къ ужасамъ, пониженная оцѣнка человѣческой жизни, хотя-бы и въ условіяхъ войны, и другіе эксцессы борьбы на полѣ брани содѣйствуютъ огрубѣнію нравовъ, какъ бы ни была сама по себѣ высока цѣль защиты родины. На это обстоятельство и было обращено вниманіе участниковъ Кіевского собесѣдованія на тему «Дѣти и война». Предсѣдатель собранія, проф. Г. Е. Афанасьевъ, указалъ на разные виды отраженія войны на дѣтской жизни. Помимо того, что война сдѣлаетъ многія семьи осиротѣвшими и на общество ляжетъ новая задача заботы объ этихъ сиротахъ, ораторъ старался остановить вниманіе собранія и на тѣхъ новыхъ переживаніяхъ дѣтской души, которыя, несомнѣнно, оставитъ война на всю будущую жизнь подрастающихъ поколѣній. Второй участникъ университетскаго собесѣдованія, Н. Н. Володкевичъ, прочелъ докладъ на тему «Современная война и задачи воспитанія». Н. Н. Володкевичъ указалъ, между прочимъ, что для педагога не можетъ быть задачей замалчиваніе современныхъ событій въ виду ихъ огромнаго историческаго значенія. Въ этихъ грандіозныхъ событіяхъ есть свои свѣтлыя и темныя стороны, а посему между ними и должна быть проведена точная грань. Но такъ какъ война принимаетъ характеръ стихійной борьбы и юному участнику ея трудно различить эту грань между свѣтлыми и темными явленіями, то и самое участіе дѣтей въ войнѣ является событіемъ устрашающимъ въ смыслѣ огрубѣнія чувствъ ея юныхъ участниковъ.

Группа прогрессивныхъ гласныхъ г. Москвы еще опредѣленнѣе выразилась въ своемъ обращеніи къ думѣ: «Изъ нашихъ задачъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, забота о подрастающемъ населеніи Москвы. Война создаетъ условія, далеко не всегда благоприятныя для нравственнаго развитія дѣтей и подростковъ; она даетъ имъ рядъ новыхъ, не по ихъ возрасту сильныхъ впечатлѣній, на которыя они реагируютъ съ болѣзненной нервною и въ которыхъ не сумѣютъ разобраться безъ посторонней помощи. Лица, близко наблюдавшія жизнь дѣтей и подростковъ среди бѣднѣйшаго населенія города, уже сейчасъ замѣчаютъ у нихъ признаки моральнаго огрубѣнія».

А если такъ, если и дѣйствительно война съ ея ужасами понижаетъ моральный обликъ дѣтей, то не лучше-ли было озаботиться о томъ, чтобы предостеречь дѣтей отъ этого вліянія. Какъ бы ни были полезны дѣти на войнѣ, все же русская армія достаточно сильна и богата взрослыми воинами, и не лучше-ли будетъ, если наши дѣти и въ минуту войны будутъ заняты своимъ дѣломъ: школой и саморазвитіемъ для будущихъ мирныхъ цѣлей все той же дорогой имъ родины. А когда вырастутъ наши дѣти, тогда и пойдутъ на передовыя позиціи, если имъ будетъ суждено это испытаніе.

Юный древній воинъ Калигулла — прекрасный образецъ для сравненія. Въ дѣтствѣ онъ умиллялъ солдатъ своимъ воинскимъ видомъ, но не надо забывать и того обстоятельства, какимъ извергомъ онъ умеръ...

Василій Б—ъ.

Два юбилея.

Один—отзвук великихъ реформъ, сведенныхъ на нѣтъ, другой—отголосокъ великихъ потугъ малыхъ реформаторовъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ стремившихся обезличить русскую жизнь, закупорить всѣ ея отдушины.

Въ условіяхъ своего времени актъ 6 апрѣля 1865 года являлся значительнымъ шагомъ впередъ, знаменовалъ собою, если не раскрѣпощеніе русской подневѣльной печати, то все же давалъ ей «нѣкоторыя облегченія и удобства». Достаточно вспомнить, что пережила многострадальная русская печать въ предыдущія эпохи, чтобы понять, что «временныя правила о печати 1865 года» все-таки открывали передъ ней кое-какія перспективы на будущее. Тѣмъ болѣе, что правила эти объявлялись временно, въ зависимости отъ переходнаго положенія реформированной только что судебной части, «до дальнѣйшихъ указаній опыта». Реформа коснулась лишь цензурнаго вѣдомства, вылилась въ форму «перемѣны и дополненій», существовавшихъ цензурныхъ постановленій, въ смыслѣ предоставленія облегченія и удобства печати; самаго вопроса о правовомъ положеніи печати, объ ея свободѣ тогда и не поднималось.

Старое зданіе оставалось ненарушимымъ; въ немъ лишь были сдѣланы частичныя передѣлки внутри и полный наружный ремонтъ, для приданія ему внѣшняго благолѣпія. Остальное, какъ было, осталось безъ перемѣнъ.

По временныя изданія все такъ же могли выходить въ свѣтъ лишь съ разрѣшенія вѣдомства, утверждавшаго редакторовъ и издателей; правда, для газетъ были сняты путы предварительной цензуры, но и это облегченіе касалось только столицъ. Съ книгъ была снята личная цензорская подпись, и вмѣсто прежняго одобренія цензуры появилась общая сигнатура: «дозволено цензурой». Книги свыше десяти печатныхъ листовъ освобождались отъ предварительнаго просмотра въ рукописи, но для книгъ меньшаго объема, для брошюръ, распространеніе которыхъ предполагалось возможнымъ въ массѣ, предусмотрительно оставались во всей ненарушимости прежнія правила. Проступки печати оставались подсудны не общему суду, а трибуналу цензурнаго вѣдомства. Оно одобряло и пресѣкало дѣйствія печати; оно карало и миловало, вязало и разрѣшало грѣхи печати. Оно было и судьей и отвѣтчикомъ, безконтрольнымъ властителемъ судебъ какъ разрѣшенныхъ изданій, такъ и утвержденныхъ имъ редакторовъ и издателей. Послѣдніе какъ-бы состояли на службѣ цензурнаго вѣдомства и дѣйствительно оказывались состоящими. Памятень бытовой штрихъ: министръ народнаго просвѣщенія, давно покойный Норовъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія приказалъ сдѣлать «строгое замѣчаніе» одному издателю, а редакціи и цензору *особый* выговоръ.

Но уже въ ту пору русское общество и русская печать ясно сознавали, что никакія «правила» не обезпечатъ литературѣ и печати того правового положенія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть свободнаго культурнаго развитія на благо страны и народа. Это понималъ даже благонамѣренный Никитенко, близкій къ цензурному вѣдомству, стоявшему на стражѣ противъ «злоупотребленій печати». «Нѣтъ свободы безъ злоупотребленій,—писалъ въ своемъ «Дневникѣ» Никитенко,—но нѣтъ никакого блага безъ свободы». «Свободное слово»—«духа единственный мечъ»—воспѣвалъ Константинъ Аксаковъ, и силу его державы познали и прославляли такіе «не боевые» поэты, какъ Ал. Толстой, Тютчевъ, Полонскій и Голенищевъ-Кутузовъ. Для Толстого, «не бойца и не воина», было ясно, какъ день, что «надъ вольной мыслью Богу не угодны насиліе и гнѣтъ: она, въ душѣ рожденная свободно, въ оковахъ не умретъ». Тютчевъ, «не питавшій особенно враждебнаго чувства къ цензурѣ», тѣмъ не менѣе, признавалъ, что цензура «тяготѣла надъ Россіей, какъ истинное общественное бѣдствіе». Полонскій, хорошо знавшій, подобно Тютчеву, нравы и бытъ нашей цензуры, задавалъ вопросъ: «или вы еще не знаете, что мы легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей всякой мысли, исходящей изъ тюрьмы? Иль не знаете, что даже злая ложъ облекается въ сіяніе добра, если ей грозитъ насилія острый мечъ, а не сила неподкупнаго пера?». Для благодушнаго Голенищева-Кутузова было ясно, что «слово можетъ запретить лишь тотъ, кто воленъ вихрю въ степи и грому въ небѣ запретить». Тѣмъ не менѣе мартирологъ сожженныхъ, отреченныхъ, потаенныхъ и просто изъятыхъ книгъ, не считая насильственно прекращенныхъ газетъ и журналовъ или взятыхъ цензурнымъ изморомъ, при дѣйствіи временныхъ правилъ о печати, былъ великъ. Изъ ничтожнаго количества сотни изданій, считая въ томъ числѣ и официальныхъ и офиціозныхъ изданій, до дней освобожденія дожили только немногія; изъ нихъ не было почти ни одного частнаго изданія, которое-бы не было подвергнуто цензурнымъ скорпіонамъ. А они были разнообраз-

ны: запрещеніе розницы и объявленій, пріостановка на срокъ, отдача подъ предварительную цензуру и, наконецъ, полное запрещеніе безъ суда и слѣдствія, по приговору четырехъ министровъ и по представленію цензурнаго вѣдомства. И тѣмъ не менѣе русскій журналистъ не покинулъ своего поста даже въ ту пору, когда, по ѣдкой характеристикѣ Бомарше, «въ Мадридѣ установилась свобода печати, подъ условіемъ, чтобы я не касался ни властей, ни устава, ни политики, ни нравственности, ни чиновныхъ лицъ, ни почитаемыхъ сословій, ни оперы, ни другихъ театровъ, ни чего бы то ни было, что съ чѣмъ-нибудь имѣетъ связь—я все могу напечатать свободно подъ наблюденіемъ двухъ или трехъ цензоровъ». Фигаро Бомарше сбѣжалъ отъ такой свободы и промѣнялъ ремесло журналиста на ремесло брадобрея. Русскій журналистъ остался журналистомъ, ибо прежде всего онъ не былъ ремесленникомъ, а былъ убѣжденнымъ борцомъ. «Мадритская свобода» печати, истомившая пылкаго Фигаро, была и ему въ совершенствѣ знакома: онъ тоже могъ все печатать свободно, подъ присмотромъ двухъ или трехъ цензоровъ; цензурное вѣдомство заранѣе циркулярами ограждало его отъ всѣхъ золь и напастей. А эти циркуляры касались всѣхъ областей жизни, и труднѣе сказать, какихъ областей они не касались,—такъ многообразны были ихъ внушенія, касаясь всѣхъ проявленій жизни—отъ ея великаго до ничтожнаго и смѣшнаго. «Временныя правила» благополучно просуществовали сорокъ лѣтъ, когда, наконецъ, въ 1905 г. они вновь подверглись пересмотру. Характерно и показательно, что обломокъ старины, искаженный и обезличенный, до сихъ поръ еще дѣйствуетъ.

Второй нашъ юбиляръ менѣе почтененъ по годамъ, но онъ не менѣе вплелъ лавровъ въ свою побѣдную дѣятельность. Онъ родился безшумно, незамѣтно выйдя изъ тиши министерской канцеляріи, подъ скромнымъ титуломъ: «Правила о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними». Эти правила, какъ и правила 1865 г. о печати, имѣли одинъ корень. И ихъ цѣлью было также «облегченіе и удобства» при открытіи новыхъ читаленъ; дѣйствительно, съ издавіемъ ихъ упрощался вопросъ объ открытіи новыхъ читаленъ: вмѣсто сношеній съ центральнымъ вѣдомствомъ «Правила» ввѣряли разрѣшеніе читаленъ мѣстной власти, въ лицѣ губернаторовъ. При общемъ духовномъ голодѣ нашихъ сель и деревень, при слабой сѣти просвѣтительныхъ учреждений, каждая новая читальня являлась желаннымъ очагомъ свѣта; чѣмъ легче, доступнѣе насажденіе этихъ очаговъ, тѣмъ, конечно, только выигрываетъ дѣло культуры. Но... но каждая медаль имѣетъ свою оборотную сторону. Раскрѣпощая отъ излишнихъ формальностей открытіе читаленъ, «правила» закрѣпощали ихъ внутренней обиходъ. При существованіи предварительной цензуры для книгъ, объемомъ менѣе десяти печатныхъ листовъ,—главнымъ базисомъ народныхъ читаленъ при существованіи общей цензуры для всѣхъ книгъ, тѣмъ не менѣе «Правила» вводили еще новую сугубую цензуру для книгъ народныхъ читаленъ. Читальни не могутъ свободно пополняться изъ книгъ, разрѣшенныхъ цензурой, но должны пополняться изъ книгъ особо одобренныхъ и рекомендованныхъ, изъ журналовъ и газетъ, по особому списку. До какихъ результатовъ вообще могла дойти «сугубая цензура», свидѣтельствуетъ фактъ: двѣсти книгъ и восемь журналовъ, разрѣшенныхъ цензурой и безмятежно вышедшихъ въ свѣтъ, «сугубая цензура» внесла въ списокъ «потаенныхъ и отреченныхъ». Для того, чтобы книгъ попасть въ народную читальню, нужна прежде всего принадлежность къ избранной категоріи. Книга должна быть или одобрена, или рекомендована, или допущена министерствомъ народнаго просвѣщенія или духовнымъ вѣдомствомъ, или издана правительствомъ, или съ разрѣшенія духовной цензуры, или особо указана министерствомъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Компетенція ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія признана непогрѣзительной, его выборъ безапелляционнымъ, и въ результатѣ—народныя читальни выродились въ пародіи читаленъ съ принудительнымъ выборомъ книгъ, съ массой макулатуры и съ отсутствіемъ дѣйствительно полезныхъ и хорошихъ книгъ. Достаточно просмотрѣть «каталогъ» книгъ для народныхъ читаленъ, чтобы убѣдиться въ ограниченности и убожествѣ той «литературы», которая предлагается народу, и въ отменаніи дѣйствительныхъ литературныхъ шедевровъ. Свообразнымъ налогомъ на культуру, а не споспѣшествованіемъ ея развитію явились «Правила» 5 мая 1890 года, справляющія четверть-вѣковой юбилей своего существованія, зародившагося въ нѣдрахъ канцелярій, огнеопально выступившихъ на борьбу съ жизнью.

Вл. Новоселовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ тринадцатый.

	Стр.
Богъ. Стихотвореніе Филарета Чернова	419
Милосердіе. Стихотвореніе Павла Попова	420
Встрѣчи. Разсказъ А. Н. Будищева	421
Тибъ. Стихотвореніе Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	430
Птица. Стихотвореніе въ прозѣ М. Шубинской	431
Глаза смерти. Разсказъ Вл. К. Измайлова	433
Памяти Августѣйшаго поэта. Стихотвореніе А. Гущин'ой-Самойловичъ	443
Мобилизація общественныхъ силъ. Статья В. В. Брусянина	444
Война и дѣти. Статья Василя Б—а	446
Два юбилея. Очеркъ Вл. Новоселова	448

КАРТИНЫ: 1) Дорогой подарокъ. Картина въ краскахъ Сквайра. 2) Уголокъ въ лѣсу. Автотипія съ картины І. Маркеса.

Къ свѣдѣнію Г.г. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой платежа.

Контора журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ считаетъ долгомъ напомнить лицамъ, внесшимъ 5 руб., о своевременной уплатѣ **второй части подписныхъ денегъ**, въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена съ 1 августа, и, такъ какъ не поступающій въ розницу журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ печатается **только по количеству имѣющихся подписчиковъ**, то позднія заявленія удовлетворены **быть не могутъ**.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/881

1915 г.

Продолжается подписка на 1915 г.
на двухнедельный,

10-й годъ
изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 года:

24

роскошныхъ выпуска Художественно-Литературнаго и научнаго журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50

художественныхъ картинъ: въ краскахъ, на паспарту, фототипии, портреты и друг.

12

книгъ, въ 3-хъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ, юбилейнаго изданія сочиненій (по случаю 50-лѣтія со дня смерти):

М. И. МИХАЙЛОВА.

Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**

въ стилъ Людовика XVI-го.
Картина на атласъ Буше.

2. **ПОСЛЪ ТАНЦА.**

Изящный стѣнной горельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ

„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ

„Морскіе окуни“.

Художникъ: Ел. Магюръ и Ф. Зряя. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.

ГЕЛЛОГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаплень.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ

съ картинами японскихъ художниковъ и въ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго итальян. худож. **ГЕРЦОНИ.**

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост. Дв. Е. И. Велич. Гольке и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года **ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ**

извѣстнаго художника **Ф. Лефлера.**

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ картины 63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе полугодіе 5 руб. на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.